

З. В. Удальцова

СЕЛЬСКОЕ ЗАВИСИМОЕ НАСЕЛЕНИЕ ИТАЛИИ VI ВЕКА*

К ардинальнейшим вопросом истории остготского королевства в Италии для историка-марксиста является вопрос о положении народных масс. В буржуазной историографии этому вопросу посвящен ряд фундаментальных работ, однако, в этих исследованиях не дается подлинно научная оценка рассматриваемых явлений¹. Изучение законодательных памятников того времени, и прежде всего

*В дискуссионном порядке. См. статьи Е. М. Штаерман, А. П. Каждана, А. Р. Корсунского, А. Г. Гемпа, С. И. Ковалева и М. Я. Сюзюмова в ВДИ за 1952—1955 гг.

¹Как в русской, так и в зарубежной буржуазной историографии XIX—XX вв. немало сделано в области разработки социально-экономической истории Италии VI в. Для выяснения положения сельского зависимого населения Италии этого времени наибольшее значение имеют такие фундаментальные исследования, как работы итальянских ученых: G. Salvioli, *Storia economica d'Italia nell'alto Medioevo*, Napoli, 1913; он же, *L'Italia agricola nelle lettere di Cassiodoro*, «Studi di storia napoletana in onore di M. Schipa», Napoli, 1925; G. Volpe, *Per la storia giuridica ed economica del Medio Evo*, Firenze, 1923; P. S. Leicht, *Storia del diritto pubblico italiano*, Milano, 1938; O. Bertolini, *Roma di fronte a Bizanzio e ai Longobardi*, Bologna, 1941; G. A. Punzi, *L'Italia del VI secolo nelle Variae di Cassiodoro*, Aquila, 1927, и др., а также ценные по обилию фактического материала и до сих пор не потерявшие своего научного значения старые работы: L. M. Hartmann, *Geschichte Italiens im Mittelalter*, I, Lpz, 1897; он же, *Zur Wirtschaftsgeschichte Italiens im frühen Mittelalter*, Gotha, 1904. Ценность исследований таких немецких ученых, как F. Dahn, *Die Könige der Germanen*, II—IV, Würzburg, 1866; W. E n s s l i n, *Theoderich der Grosse*, München, 1951, значительно снижается из-за общей крайне националистической направленности их произведений. Труд E. Stein, *Histoire du Bas-Empire*, II, Paris — Bruxelles — Amsterdam, 1950, обладая значительными достоинствами в отношении тщательности исследования источников и привлечения новейшей литературы, вызывает серьезные возражения по своим общим выводам. Из трудов русских буржуазных ученых особо следует отметить работу П. Виноградов, *Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии*, СПб., 1880, в которой впервые был поставлен вопрос об изменении положения народных масс Италии в связи с развитием феодальных отношений, а также исследования: П. Н. Кудрявцев, *Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим*, М., 1850, и Д. М. Петрушевский, *Очерки по истории средневекового общества и государства*, М., 1922, очерк IV. Не имея возможности в рамках статьи дать подробный анализ обширной литературы по истории остготского государства в Италии, следует лишь подчеркнуть, что в отношении общей оценки этого периода итальянской истории в буржуазной историографии XIX—XX вв. намечаются два направления — германистическое, представители которого восхваляли с националистических позиций остготское завоевание Италии (F. Dahn, ук. соч., I—IV; L. Schmitt, *Geschichte der deutschen Stämme*, I—II, 1918; W. E n s s l i n, ук. соч., и др.), и романистическое, отрицающее какие-либо изменения в социально-экономическом строе Италии в период остготского завоевания (G. P e r e, *Il Medio Evo barbarico d'Italia*, Torino, 1941).

эдикта Теодориха и других законодательных постановлений остготских королей, с полной очевидностью доказывает несостоятельность теории Э. Штейна (ук. соч., стр. 130—132) и других буржуазных ученых, пытавшихся доказать, что Теодорих в своей внутренней политике заботился об улучшении положения широких народных масс и своими законодательными мерами якобы эффективно защищал интересы угнетенного населения от произвола и притеснений со стороны знати. Ни в чем так ярко не проявляется сугубо классовый характер политики остготского правительства, как именно в законодательных мероприятиях, касающихся народных масс Италии. Во всех без исключения случаях, когда речь идет о взаимоотношениях раба и господина, зависимого человека и его патрона, законодательство самыми суровыми, иногда беспощадными мерами, часто даже более суровыми, чем предписания римских юристов, ограждает права и интересы господствующего класса, закрепляет зависимое и бесправное положение большинства трудового населения Италии. И в этой ярко выраженной классовой политике остготского правительства, на наш взгляд, нельзя усматривать одно лишь влияние римского права и римских условий жизни. Она показывает глубокую эволюцию самого остготского общества, рост внутри него социального неравенства, обострение классовых противоречий. Остготская знать именно так охотно использует суровые постановления римского права относительно зависимого населения, что они соответствуют ее реальным, классовым интересам. Более того, в своих корыстных целях она еще далее развивает и усугубляет их в сторону дальнейшего ухудшения положения народных масс. В этом она находит полнейшую поддержку со стороны римской аристократии, и в этом надо искать, на наш взгляд, основу союза, хотя и временного, остготской и римской знати, направленного фактически против широких масс трудового населения, как из числа римлян, так и остготов.

1. *Рабовладение и положение рабов.* В законодательных памятниках остготского времени, а также в трудах историков и хронистов VI века, сохранилось немало ценных сведений о положении различных категорий сельского зависимого населения Италии в период остготского владычества. Особенно большое внимание уделяется в законодательстве остготского правительства вопросу о рабах. Остготское законодательство весьма тщательно регулировало взаимоотношения между рабом и господином, всегда, конечно, защищая интересы рабовладельцев¹.

Само столь пристальное внимание к вопросу о рабах со стороны остготского правительства уже является свидетельством того, что рабовладение сохранилось в Италии VI века еще в довольно значительных масштабах. Можно предположить, что в Италии, как центре рабовладения, изживание рабовладельческих отношений шло несколько более замедленными темпами, чем, например, в Северной Африке, Галлии или в других провинциях бывшей Западной Римской империи. С другой стороны, особое внимание к вопросу о рабах, которое мы встречаем в законодательных памятниках остготского периода, указывает на то, что остготская знать, придя к власти в Италии, пытается использовать в своих интересах пережитки рабовладения, нуждаясь в труде рабов для обработки захваченных в Италии земель. Рабы в период правления остготов в Италии представля-

¹ Так, например, из 155 статей, входящих в состав эдикта Теодориха, в 44 идет речь о рабах и их взаимоотношениях с господами (Ed. Th., §§19, 21—22, 51, 56, 61, 63—66, 69—70, 77—88, 94, 96—98, 100—104, 109, 117—118, 120—121, 128, 141—142, 148, 150—152). В «Вариях» Кассиодора упоминания о рабах также встречаются сравнительно часто (Var., I, 30; II, 19; V, 16, 29, 30 и 39; III, 18, 31 и 43; VI, 1, 8—9; VIII, 28, 31, 33; IX, 24; XII, 11 и др).

ли еще важную составную часть имущества как старой римской аристократии, так и новой феодализирующейся остготской и римской знати. В предписании эдикта Теодориха, касающемся дарения имущества, особо оговаривается, что в состав движимого имущества включаются также и рабы (*mancipia*¹—Ed. Th., § 51). Об использовании труда рабов в имениях (*praedia*) крупных землевладельцев говорится специально в другом постановлении эдикта Теодориха (Ed. Th., § 69). Нарративные и эпистолярные источники, близкие по времени их написания к периоду правления остготов в Италии, также сообщают о наличии рабов у остготской знати в VI в. Так, например, историк Равеннской церкви Аньелли рассказывает, что Юстиниан, после победы византийских войск над остготами, конфисковал имущество остготской знати и арианских церквей, в том числе их рабов (*servos*) и рабынь (*ancillas*)². Кассиодор сообщает о наличии рабов в имениях крупных землевладельцев из числа как остготской, так и римской знати (Var., II, 19; V, 29, 39; VI, 8; VIII, 33; XII, 11). В одном из посланий короля Аталариха от 527 г. рассказывается, что знатные граждане Бруттия отказываются жить в городах, предпочитая оставаться в своих сельских имениях, тем самым они лишаются удовольствий городской жизни и обречены проводить всю свою жизнь лишь в окружении рабов (*famulus—Cas-*

¹ В большинстве случаев в эдикте Теодориха и в других законодательных памятниках остготского времени раб обозначается термином *servus*, реже,— термином *mancipium*. В эдикте Теодориха термин *mancipium*, *mancipia* употребляется в ряде статей (§§ 51, 64, 70, 80—81, 84, 142, 150 и 152). В большинстве этих статей он применяется для обозначения раба: так, в § 51 речь идет о дарении раба, в §§ 64 и 70—о выдаче раба (*mancipium*) в качестве возмещения за рабыню (*ancilla*) и раба (*servus*), в § 81 говорится о покупке раба (*mancipium*) у похитителя, в § 150—о запрещении использовать труд раба (*mancipium*) и быка, принадлежащих чужому рустигу. Однако в некоторых статьях эдикта Теодориха термин *mancipium* включает не только рабов, но и другие категории зависимого населения: колонов-оригинариев, собственно колонов (*coloni*) и даже рустиков, причем подчеркивается право собственности господина на этих лиц. Некоторые буржуазные ученые, например, E. Stein, ук. соч., стр. 132—133; L. M. Hartmann, ук. соч., I, стр. 114—118, полагают, что термин *mancipia rustica* в § 142 эдикта Теодориха относится исключительно только к сельским рабам, но не к колонам-оригинариям, считая, что *originarius* является прилагательным к *mancipia*, и не анализируют самого термина *mancipia* и его эволюции. Противоположной точки зрения придерживаются H. Geiss, Geld- und -naturalwirtschaftliche Erscheinungsformen im staatlichen Aufbau Italiens während der Gotenzeit, Stuttgart, 1931, стр. 61; П. Виноградов, ук. соч., стр. 93—94, и советский исследователь А. Р. Корсукии, О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V веках, ВДИ, 1954, № 2, стр. 66. Анализ употребления термина *mancipia rustica* как в эдикте Теодориха, так и в других памятниках того времени показывает, что наряду с понятием собственно рабов он включает и другие категории зависимого населения. Так, например, в 80-й статье эдикта Теодориха под термином *mancipium*, как выясняется из всего контекста статьи, подразумевается и раб (*servus*) и оригинарий (*originarius*). В 84-й статье того же эдикта понятие *mancipium* объединяет и раба (*servus*) и колона (*colonus*), положение которых уравнивается, а 152-я статья эдикта включает в понятие *mancipium* не только раба, но даже и рустика (*rusticus*). То же самое мы видим и в 142-й статье эдикта, где термин *mancipia rustica* также объединяет рабов и оригинариев. При этом, однако, следует отметить, что включение в термин *mancipia* рабов во всех случаях обязательно. В других источниках остготского времени также встречается употребление термина *mancipia* в собирательном смысле—не только для обозначения рабов, но и колонов. Так, например, в одном из писем папы Целастия I термин *mancipia* объединяет как рабов, так и колонов (RPR, № 656). Эволюция термина *mancipia*, на наш взгляд, отражает вполне реальные изменения в положении различных категорий непосредственных производителей Италии в V—VI вв. Эта эволюция показывает, что в остготском королевстве владельческие права господ распространялись все более и более не только на рабов, но и на оригинариев, колонов и в отдельных случаях даже на рустиков. Это находится в прямой связи с общей тенденцией остготского законодательства к ухудшению положения зависимого населения и усилению власти крупных землевладельцев (см. ниже).

² Agnelli, Liber. pont. eccl. Ravennatis, § 85=MGH SRLI, I, стр. 334.

siod, Var. VIII, 31, § 8). Этот рассказ является ярким свидетельством распространения рабства в имениях крупных землевладельцев. При этом Кассиодор особо упоминает о рабах, принадлежащих сенаторам (Var., I, 30). В другом своем послании тот же писатель рассказывает о частновладельческих рабах, выкупаемых у их господ государством для зачисления их во флот (Var., V, 16).

Рабство было распространено не только среди италийского населения, но и среди самих готов-завоевателей. Так, в одном из писем короля Теодориха, датированном 523/526 гг., рассказывается как некий свободный гот был незаконно обращен в рабство одним «могущественным» лицом из числа остготской знати (Cassiod., Var., V, 29). Кассиодор особо подчеркивает, что свободнорожденные не должны выполнять рабские работы (*non enim decet ab ingenuis famulatum quaerere* — Var. V, 39), тем самым он весьма отчетливо противопоставляет свободнорожденных и рабов (*famulus-servus*). В одной из формул остготского времени, приведенной у Кассиодора, специально указывается на неправоподобность рабов (Var., VI, 8). Кассиодор весьма отчетливо различает сельских (*mancipia rustica*) и городских рабов (*mancipia urbana*) и указывает на различие их положения (Var., III, 18; VIII, 33). При этом он считает, что положение сельского раба, работающего на полях, улучшается в том случае, если его переводят в число городских рабов (там же). Особое внимание привлекает сообщение Кассиодора о государственных или королевских рабах (*regiae domus famuli* — Var., VI, 9). В приведенной у Кассиодора формуле *comitivae privatarum* содержатся интересные данные о том, что одной из основных обязанностей *comes privatarum* являлся надзор за рабами из королевских имений (VI, 8). При этом подчеркивалось, что до издания этой формулы *comes privatarum* почти не мог выполнять своих обязанностей судьи, поскольку имел дело исключительно с рабами, лишенными по закону каких-либо юридических прав (Cassiod., Var., VI, 8, §§ 1—2). Теперь же функции его расширились, и он стал разбирать судебные дела об имуществе свободных лиц, повидимому, из числа свободных арендаторов, населявших королевские имения (там же, §§ 2—5), а также ведать городскими владениями короля (там же, § 1). Таким образом, первоначально *comes privatarum* имел дело преимущественно с рабами, а отсюда вытекает, что в королевских имениях рабы имелись в значительном количестве и являлись чуть ли не основной рабочей силой, но с течением времени, еще в правление короля Теодориха, подобное положение стало несколько меняться в сторону увеличения удельного веса свободных арендаторов королевских земель. Прокопий также весьма часто упоминает о рабах в Италии периода остготского владычества¹.

Рабами владела и церковь, как арианская², так и католическая³. Так, например, в постановлении эдикта Теодориха относительно права церковного убежища указывается, что духовенство в отдельных случаях могло оставлять у себя беглых рабов, нашедших убежище в церкви, при условии передачи их хозяевам других рабов, той же стоимости (Ed. Th., § 70). В одном из писем папы Пелагия I, относящемся к 555—560 гг., глава католической церкви строго предписывает одному из подчиненных ему епископов заботиться о сохранении зависимых от церкви людей, в том числе и рабов (*mancipia*), и требует, чтобы он соблюдал интересы церкви при обмене рабов-ремесленников (*artifex*) на рустикав или колонов

¹ P r o c o p., BG, I, 25, §§ 2—3; III, 16, §§ 14—15 и 25—26; 25, § 16; IV, 30, §§ 2 и 5—6; и др.

² A g n e l l i, ук. соч., § 85, стр. 334.

³ Greg. IREpp., I, 39a и IX, 203—204; RPR, № 656.

(RPR, № 656). В «Диалогах» и письмах папы Григория I также весьма многочисленны упоминания о рабах, в том числе и о рабах, живших в патримониях католической церкви¹.

В остготском королевстве труд рабов еще не потерял своего значения в производстве и применялся как в сельском хозяйстве, так и в ремесле. Так, например, в большинстве статей эдикта Теодориха, касающихся вопроса о рабах, речь идет в первую очередь о сельских рабах, труд которых непосредственно использовался в сельскохозяйственном производстве. В 142-й статье эдикта Теодориха упоминается о сельских рабах (*mancipia rustica*) обоего пола, живущих в имениях (*praedia*) землевладельцев, причем сельские рабы противопоставляются городским. Раб (*servus*) вместе с колоном называется виновником пожара, возникшего на поле господина, в результате которого были повреждены соседние фруктовые деревья или леса, виноградники или посевы (Ed. Th., § 98). Рабы и колоны совместно упоминаются в 104-й статье эдикта, запрещающей нарушение границ чужого поля и уничтожение межевых знаков. Эдикт сурово преследует раба, поджигающего виллу или дом (§§ 75 и 97). Рабы и оригинарии строго наказываются за угон скота (Ed. Th., §§ 56—58). О потраве скотом и о воровстве, совершенном рабом, говорится в одной и той же 117-й статье эдикта. Во многих статьях эдикта раб упоминается одновременно с колоном, оригинарием или рустиком, т. е. с различными категориями сельского населения Италии (§§ 142, 150 и 152).

Сельские рабы совершенно четко противопоставляются городским². Папа Григорий I, известный своим непомерным стяжательством и постоянными заботами о приумножении богатств церкви, в своих письмах сообщает о том, что в его время земли в церковных патримониях Италии еще обрабатывались рабами (Greg. I REpp., I, 39a; IX, 203—204). Прокопий также упоминает отдельно сельских и городских рабов (BG, I, 25, 2—3). В «Диалогах» Григория I подробно рассказывается, как некий епископ Павлин, добровольно продавший себя в рабство, после того, как он заявил хозяину, что не знает никакого ремесла, был послан выращивать овощи и ухаживать за садом (GMD, III, § 1, стр. 529).

Вместе с тем труд рабов использовался не только в имениях крупных землевладельцев из числа римской и остготской знати, во владениях фиска и церкви, но также и в хозяйстве мелких земельных собственников и даже колонов. Об использовании труда рабов в хозяйстве колона-рустика весьма красноречиво говорит предписание эдикта Теодориха, запрещающее кому-либо использовать труд раба (и быка), принадлежащих чужому рустикку, без согласия на то самого рустика, его кондуктора или господина (Ed. Th., § 150).

Таким образом, источники неопровержимо свидетельствуют, что в остготском королевстве рабовладение было распространено в сравнительно больших масштабах, причем труд рабов использовался как в сельском хозяйстве, так и в городском ремесле. Одновременно рабы использовались и в качестве домашних слуг (Cassiod., Var., VIII, 33). О том, что рабство не потеряло еще некоторого значения в производстве, особенно в сельском хозяйстве, свидетельствует также и заинтересованность остготской знати в сохранении рабства и использовании труда рабов для обработки своих имений. Это нашло свое отражение в законодательстве остготского правительства. Так, в эдикте Теодориха (§§ 78—83) и в «Вариях» Кассиодора (Var., II, 18; V, 29—30; VIII, 28; IX, 24) имеются прямые свидетельства о том, что крупные землевладельцы Италии из

¹ GMD, III, § 1, стр. 528—530, и др.; Greg. I REpp., I, 42.

² RPR, № 656.

среды остготской и римской знати были заинтересованы в использовании труда рабов и, нуждаясь в рабочих руках для обработки своих земель, прибегали к самым бесчеловечным методам их добывания. Так, например, в эти смутные времена весьма распространенным явлением было насильственное похищение свободных людей и превращение их в рабов (Ed. Th., § 78). Это явление приняло столь опасные размеры, что правительство должно было принять против него строгие меры и наказывать подобные преступления смертной казнью (там же).

О насильственном удержании в рабстве свободнорожденных и о превращении в раба свободного человека сообщают и упомянутые уже статьи 78—83 того же эдикта. О многочисленности подобных случаев насильственного обращения в рабство свободных людей сообщает и Кассиодор (Var., II, 18; V, 29—30; VIII, 28; IX, 24).

Остготское правительство, опасаясь недовольства со стороны населения Италии, принуждено было несколько ограничить эти незаконные захваты знатью свободных людей и превращение их в рабов. Однако правящие круги остготского общества были настолько заинтересованы в приобретении дешевой рабочей силы, что под их давлением в законодательство были включены такие оговорки, которые могли при благоприятных обстоятельствах дать возможность богатым и влиятельным лицам обойти строгие предписания закона. Законодательство Теодориха, несмотря на суровость мер против порабощения свободных и демагогические сетования на бесчинства знати, фактически оставляло различные лазейки для обхода строгих предписаний эдикта, направленных против похищения свободных людей и обращения их в рабство. Так, например, согласно одному из предписаний эдикта Теодориха (§ 82), свободный человек, похищенный, а затем проданный кому-либо, мог окончательно потерять свою свободу, если покупатель имел возможность доказать, что тот добровольно, по договоренности с продавцом, с целью извлечения выгоды, дал согласие на продажу себя в рабство.

Остготское правительство, в угоду крупным землевладельцам, пошло даже на некоторое смягчение установлений римского законодательства, направленных против лиц, удерживающих свободных людей в рабстве или занимающихся их куплей — продажей. Так, по предписанию эдикта Теодориха, те, кто скроет происхождение свободного человека, продадут его или купят, зная о том, что он свободнорожденный, в случае, если это люди низкого происхождения (*humiliores*), то они после наказания палками отправляются в вечную ссылку, если же это знатные лица (*honestiores*), то после конфискации $\frac{1}{3}$ части их имущества они наказываются ссылкой на пять лет (§ 83). В римском же праве за подобные преступления устанавливалось значительно более суровое наказание: лица незнатного происхождения наказывались ссылкой в рудники или распятием на кресте, знатные же граждане, после конфискации $\frac{1}{2}$ части их имущества, отправлялись в вечное изгнание (Paul., Sent., V, 30B, § 1). Смягчение наказания за подобные преступления в остготском законодательстве, в котором, как правило, в подавляющем большинстве случаев наказания значительно строже, чем в римском праве, нельзя считать простой случайностью. Скорее всего оно свидетельствует о том, что остготская знать была заинтересована в сохранении рабства¹.

Весьма распространенным явлением в те времена было и переманивание крупными землевладельцами чужих рабов и колонов-оригинариев

¹ Замечательно также, что именно в этом постановлении эдикта Теодориха особенно резко выступает различие в наказании для знатных лиц и людей низкого происхождения и смягчение наказания за удержание в рабстве свободных лиц особо ощутимо именно для знатных граждан (*honestiores*).

(Ed. Th., § 80). Кассиодор также рассказывает о переманивании крупными землевладельцами чужих рабов и о возвращении их по предписанию правительства прежним хозяевам (Var., III, 43).

Крупные землевладельцы, особенно из среды остготской знати, прибегали также и к другим средствам приобретения нужных им работников: как свидетельствуют источники, они часто принимали и укрывали у себя беглых рабов и колонов, используя их труд в своих имениях. Так, по эдикту Теодориха (§ 84) за принятие беглого раба (*servus*) или чужого колона, виновный в совершении подобного проступка должен возратить хозяину не только беглого раба вместе с его пекулием, но в придачу передать ему еще другого раба той же стоимости. Кроме того, эдикт указывает, что «тот, кто против воли господина держит у себя чужого раба (*servus*), тот совершает кражу» (§ 86). В эдикте особо оговаривается, что «если кто-нибудь, зная об этом, примет рабов, переманенных или воровским образом похищенных другим лицом, тот обязан не только заявить об этом и отдать их, но и должен быть привлечен к ответственности за совершение кражи» (§ 85). В эдикте вводится весьма важное разграничение различных случаев удержания беглых рабов: тот, кто без переманивания (*sollicitatio*) удерживает у себя беглого раба или колона, обязан возратить прежнему хозяину этого раба вместе с его пекулием и в придачу только одного раба, если же это случится во второй или в третий раз, то виновный наказывается уже как *sollicitator*, т. е. он должен вернуть прежнему хозяину, кроме самого раба, еще трех других рабов той же самой стоимости (Ed. Th., § 84). Принимая в свое имение человека, выдающего себя за свободнорожденного, хозяин обязательно должен проверить, не является ли он беглым рабом или колоном-оригинарием¹.

Не подлежит сомнению, что постановления остготского законодательства, направленные против принятия и укрывательства беглых рабов, хотя и заимствованные из римского права, отвечали реальным интересам господствующего класса остготского государства. Одновременно эти постановления свидетельствуют и о борьбе внутри самого господствующего класса остготского общества из-за использования труда рабов и колонов.

Все вышеприведенные данные показывают, что рабство как особый институт оставалось еще весьма распространенным явлением в социально-экономической жизни Италии VI века. Это подтверждается и многочисленными известиями источников, в частности законодательных памятников

¹ «Потому, что если кто-либо принимается кем-нибудь с чистой совестью и на основании того, что он называет себя свободным, у принявшего его должно возникнуть опасение, как бы тот не привел его к тяжбе, и следует, чтобы он открыто заявил, что он свободный; если это будет сделано, то тогда, когда раб (*servus*) или оригинарий будет потребован и будет доказано его зависимое положение, пусть он будет возвращен один, без причинения ущерба задержавшему его» (Ed. Th., § 80). Следует особо отметить, что это важное предписание эдикта Теодориха, как по своему изложению, так и по форме, является вполне самостоятельным постановлением остготского правительства и лишь в незначительной степени испытало влияние римского права (см., Ulp., XI, 4, fr. 1; Cj., VI, 2, 4). Привлекает также внимание упоминание эдикта о возможности таких случаев, когда хозяин раба сам посылает раба в чужой дом с целью получить его обратно вместе с установленным законом вознаграждением. Очевидно, что подобные случаи встречались в реальной действительности того времени, чем объясняется включение в эдикт этого постановления. Повидимому, подсылка рабов в дома соседей с корыстными целями являлась весьма выгодной махинацией, ибо, как указывалось выше, за повторное принятие того же самого раба в качестве наказания устанавливается возврат беглого раба с придачей еще трех других рабов той же стоимости (Ed. Th., § 84). Для раскрытия подобных злоупотреблений закон предписывал жестоко пытаться раба, и в случае, если будет доказано, что он действительно был коварно подослан в чужой дом своим господином, то раб немедленно передавался фиску (Ed. Th., § 84). Таким образом, за преступления и махинации своих господ в конечном счете расплачивались рабы, подвергавшиеся жесточайшим пыткам при расследовании дела.

того времени, о купле и продаже¹, а также дарении рабов². В рабов обращали военнопленных, свободнорожденных жителей самой Италии³, а также и обедневших готских воинов (Cassiod., Var., V, 29).

Имели место также и самопродажа бедняков и продажа в рабство родителями своих детей⁴. В реальной действительности того времени продолжала существовать практика самопродажи в рабство несостоятельных должников (Ed. Th., §§ 126—127). Так, например, Кассиодор рассказывает, что некий несостоятельный должник, задолжавший государству 400 солидов, был принужден отдать себя в рабство могущественному человеку Венанцию, который обещал поручиться за уплату его долга государству, причем это было сделано с разрешения одного из правителей той области—Ульпиана (Cassiod., Var., II, 13). В «Диалогах» папы Григория I (III, 1, стр. 529) рассказывается, как епископ Павлин сам продал себя в рабство и законным образом оформил самопродажу. Кассиодор в рескрипте от 527 г. сообщает, что разорившиеся свободные крестьяне Южной Италии были принуждены вследствие крайней нужды продавать своих детей на ярмарке в Лукании близ местечка Левкатеи богатым горожанам в качестве городских рабов⁵.

Согласно предписаниям остготского законодательства, заимствованным из римского права, дети, рожденные от союза свободного человека и рабыни, попрежнему оставались рабами⁶. Таким образом, в остготском королевстве еще не были окончательно уничтожены те источники, которые питали институт рабства в Римской империи.

Выход из рабского состояния на свободу был в остготском законодательстве еще более затруднен, чем в римском праве. В эдикт Теодориха было включено особое постановление о том, что, если «человек, живущий на свободе (*in libertate degens*)», будет «призван к рабству (*ad servitutum vocatur*)» и потребован его господином, то господин должен доказать, что тот является его рабом. В случае же, когда кто-либо из рабского состояния взывает к свободе, то его защитник (*defensor*) обязан доказать, что он человек свободного происхождения (§ 96). Таким образом, свободный человек, обращенный в рабство, не мог без посредничества какого-либо влиятельного покровителя, выступающего его защитником (*defensor*), возбудить дело о своем освобождении. Римские же юристы считали, что свободный человек, незаконно обращенный в рабство, может самостоятельно возбудить дело о возвращении ему свободы, без посредства защитника и сам выступить в качестве истца (*Ulp., LIV, fr. 7, § 5; Ci, VII, 16*). Тем самым «взывающий к свободе» отдавался во власть какого-либо могущественного лица, выступавшего в качестве его защитника. Совершенно очевидно, что подобный «защитник» оказывал свое высокое покровительство отнюдь не бескорыстно, и скорее всего можно предположить, что получивший его защиту, даже и освободившись от рабства, попадал в зависимое положение от своего покровителя. Тем самым остготское правительство открывало еще один путь остготской и римской феодализирующейся знати и высшему духовенству для приобретения столь необходимых им рабочих рук.

Не изменился в лучшую сторону в остготском государстве и юридический статус раба: раб, как и раньше, оставался лишенным всех гражданских и политических прав, а между свободными и рабами в правовом отношении продолжала сохраняться резкая, непреходимая грань. Так, например,

¹ Ed. Th., §§ 78, 81—83, 87, 101, 120, 141—142 и 148.

² Ed. Th., §§ 51, 87 и 120.

³ Ed. Th., §§ 78, 81—83, 88; Cassiod., Var., II, 18; V, 30; VIII, 28; IX, 24.

⁴ Ed. Th., §§ 82 и 94; Cassiod., Var., VIII, 33.

⁵ Cassiod., Var., VIII, 33. Cp. Br. CTh, IV, 8, 2; Br. Paul., V, 5, 1.

⁶ Ed. Th., § 65. Cp. Br. CTh, IV, 8, 3; LRBurg., XXXVII, 5.

рабы не имели юридической правоспособности¹, они не могли выступать в качестве свидетелей против своих господ (Ed. Th., § 48), за исключением политических дел, касающихся государственной измены (Ed. Th., § 49). Рабы в остготском государстве попрежнему не могли занимать государственные должности и нести военную службу².

Классовая направленность законодательства остготского правительства в отношении рабов весьма ярко проявляется во многих предписаниях эдикта Теодориха, чрезвычайно сурово карающих рабов особенно за те правонарушения, которые носят характер социального сопротивления со стороны угнетенных или задевают классовые и сословные привилегии господствующего класса. Так, например, за поджог дома или виллы раб или рабыня предаются сожжению (Ed. Th., § 97). За связь со знатной женщиной раб предается сожжению, а женщина — смертной казни за то, что она уступила рабской страсти (*servili libidini* — Ed. Th., § 61).

В эдикт Аталариха включены еще более суровые предписания, направленные на пресечение незаконных связей, особенно, «позорных связей» между свободными людьми и рабынями (Cassiod., Var., IX, 18, § 7).

В эдикте говорится, что если свободная женщина, презрев святость брачных уз, станет конкубиной женатого человека, то она отдается его жене в рабство, вместе со своими детьми, рожденными от этой незаконной связи (*ibidem*). По решению суда, она должна испытать власть той, которую она хотела унизить при помощи незаконной и бесчестной страсти.

В том же случае, когда такое позорное преступление совершит рабыня-служанка, то за исключением наказания смертной казнью, она должна испытать всю меру мщения оскорбленной матроны и иметь ее своим беспощадным судьей (*ibidem*). Свободный же мужчина, особенно знатный, за незаконную связь несет лишь материальную ответственность (*ibidem*, § 6).

Если чужой раб (*servus alienus*) или оригинарий совершит насилие над свободной девушкой или вдовой, то раб предается смертной казни (Ed. Th., § 63). В то же время, если свободный человек совершит насилие над девушкой — чужой рабыней или оригинарией, то в том случае, если он богат, он должен передать господину рабыни в качестве материального вознаграждения двух других рабов, если же он беден, то после наказания палками он становится коллегиатом соседней городской общины (*vicinae civitatis collegio deputetur* — Ed. Th., § 64). Дети, рожденные от союза свободного человека, оригинария или раба (*servus*) и рабыни (*ancilla*), наследуют положение матери и становятся рабами ее господина (Ed. Th., § 65).

В эдикте Теодориха и других законодательных предписаниях остготских королей раб попрежнему считается полной и неотъемлемой собственностью господина. Так, например, в случае убийства кем-либо чужого раба его господин может по своему усмотрению либо возбудить уголовное дело и требовать смертной казни преступника, либо же предъявить виновному в совершении этого преступления гражданский иск и потребовать в качестве возмещения за убитого двух других рабов той же стоимости³. В остготском законодательстве, так же как и в римском праве,

¹ Ed. Th., §§ 48, 51 и 96 и др.; C¹a s¹i o. d., Var., VI, 8; V, 39; XII, 111 и др.

² Этому отнюдь не противоречит сообщение Кассиодора о том, что правительство Теодориха, не имея своего флота и крайне нуждаясь в его создании, производило набор моряков из числа пригодных к морскому делу и желавших поступить на морскую службу рабов, ибо при этом рабы освобождались, а их хозяевам государство выплачивало соответствующий выкуп. Только после того, как раб становился свободным человеком, он зачислялся во флот и получал государственное содержание в виде 5 солидов донативы и установленной законом анноны (C¹a s¹i o. d., Var., V, 16).

³ Ed. Th., § 152; ср. CTh, IX, 20. Все же в основном это предписание носит самостоятельный характер. В литературе существует точка зрения, что наказание, приве-

проводится резкое различие в мере наказания за преступление, совершенное рабом и свободным человеком, причем рабы, конечно, караются значительно более жестоко (Ed. Th., §§ 56, 61—63, 64 и 104). В эдикте Теодориха, кроме того, строго различается, совершил ли раб или другой зависимый человек данное преступление по собственному побуждению или по приказанию своего господина: если преступление совершено рабом по собственной воле, то господин должен его задержать и предать казни, или же, если хозяин того пожелает, он может передать раба для наказания судье¹.

Даже в том случае, когда преступление совершено рабом по прямому приказанию господина, раб все же подвергается жестокому наказанию, в то время как его хозяин, истинный виновник преступления, обычно отделяется лишь денежным штрафом (Ed. Th., §§ 22, 104 и 117—118). Весьма красноречиво в этом отношении предписание эдикта Теодориха, которое устанавливает, что в случае нарушения границ чужого поля и уничтожения межевых знаков, если это сделали рабы или колонны по приказанию своего господина, то господин наказывается лишь конфискацией $\frac{1}{3}$ части имущества, «причем сам раб или колон тем не менее карается смертной казнью» (Ed. Th., § 104). При этом особая оговорка о том, что раб и колон караются смертной казнью независимо от того, что преступление совершено ими по приказанию господина, внесена в это предписание эдикта Теодориха самим остготским правительством, а отнюдь не заимствована из римского права. Таким образом, в беспощадности по отношению рабов остготское законодательство в данном случае идет даже дальше, чем римские юристы. Более того, в римском праве за нарушение границ чужого поля рабы ссылались в рудники (Paul., Sent., V, 22,2), в эдикте же Теодориха за аналогичное преступление они предаются смертной казни (Ed. Th., § 104). Следовательно, в остготском законодательстве рабы (и колонны) за совершение подобных преступлений наказывались даже более сурово, чем в римском праве². Столь же жестоко в отношении рабов и другое предписание эдикта Теодориха, гласящее, что, если раб (или колон) похитит чужую рабыню или оригинарию с ведома или по приказанию своего кондуктора, то раб подвергается смертной казни, хотя и кондуктор наказывается как соучастник преступления. Если же похищение произведено с ведома или по приказанию господина, то раб все равно карается смертной казнью, в то время как господин терпит лишь материальный ущерб (то имение, из которого происходил похититель, отбирается в пользу фиска — Ed. Th., § 22).

Бывали случаи, когда господа принуждали своих рабов совершать по их приказанию самые тяжкие преступления (Ed. Th., §§ 22 и 77). Господа нередко использовали своих рабов для вооруженного нападения на владения своих соседей, насильственного захвата чужого имущества (Ed. Th., §§ 75, 77 и 109), грабежа и кражи в пользу господина³. Жестокие пред-

денное в данной статье эдикта (возврат не цены раба в двойном размере, а возвращение господину двух других рабов того же качества), заимствовано из германского права (B l u h n e, комментарий к изданию эдикта Теодориха, MGH, legum, т. V, стр. 168). Из римского права заимствована лишь альтернативная замена уголовного процесса гражданским иском.

¹ Ed. Th., §§ 56, 98, 109, 117—118, 120 и 128. Так, например, если по неосторожности раба или колонна на поле господина возникнет пожар, который причинит ущерб соседям, то господин по своей воле или возмещает убыток пострадавшим от пожара соседям, или же выдает раба для наказания судье (Ed. Th., § 98). Раб или оригинарий — похититель скота либо выдается господином судье для казни, либо хозяин возмещает причиненный им ущерб в четырехкратном размере (Ed. Th., § 56).

² F. D a h n, ук. соч., т. IV, стр. 86, полагает, что наказание рабов и колонов в эдикте взято из германского права. Ср. LR Burg., LV, 3; servus hoc fecerit, occidatur.

³ «Если за кражу, совершенную рабом, — гласит закон, — господин вызван в

писания закона в подобных случаях в первую очередь беспощадно наказывали рабов, хотя они являлись лишь орудием выполнения воли господина. Кассиодор рассказывает об одном сенаторе, который приказал своему рабу убить свободного человека, но когда преступление было раскрыто, он был принужден, во избежание королевской немилости, уплатить высокий денежный штраф в 10 фунтов золота, а раба выдать для казни (Var., I, 30). Однако в ряде случаев господин мог совсем не нести ответственности за преступление раба. Так, например, если раб совершил кражу или нанес кому-либо материальный ущерб, то господин был волен выбирать и либо согласиться возместить потерпевшему убытки, причиненные рабом, либо же предать раба казни (*noxae datio* — Ed. Th., § 117; Paul., Sent., I, 15, 1; II, 31, 7; LRBurg., XIII, 1; XV, 1).

Остготское законодательство следуя в этом отношении за предписаниями римских юристов, запрещает выслушивать показания вольноотпущенников, оригинариев или рабов, доносящих на своих господ и патронов или их детей (Ed. Th., § 48). Если лица подобного положения будут уличены в совершении доноса на своих господ, то они караются смертной казнью еще до разбора дела (там же; ср. CTh, IX, 6, 3). Исключение делалось лишь для обвинений в оскорблении величества (Ed. Th., § 49). В том случае, если раб являлся свидетелем, он всегда подвергался пытке. Если кому-либо было необходимо получить показания чужого раба во время разбирательства судебного дела, то он мог, уплатив хозяину стоимость раба (в том размере, в каком назначит сам господин), подвергнуть раба пытке (Ed. Th., § 100. Ср. Paul., Sent., V, 16, 3). Тем самым фактически узаконивалась торговля жизнью раба, ибо жестокие пытки, которым подвергались рабы во время судебных расследований, всегда могли закончиться их смертью. Одновременно правительство узаконивало различные вымогательства со стороны хозяев при продаже рабов лицам, заинтересованным в получении их показаний, ибо оно разрешало самим господам устанавливать цену раба. Совершенно очевидно, что хозяин раба, воспользовавшись тем, что для покупателя было крайне важно приобрести раба с целью использования его в качестве свидетеля, мог назначить за него любую, весьма высокую цену, что признавалось вполне законным. В эдикте Теодориха упоминаются случаи, когда господа, с целью сокрытия своих преступлений и опасаясь того, что рабы под пыткой могут разоблачить их, прибегали к различным законным уловкам для того, чтобы помешать допросу рабов (§§ 101 и 102). Одним из наиболее распространенных методов устранения раба, могущего стать опасным свидетелем, была его покупка. В подобном случае закон предписывал не только расторгнуть акт о продаже и вернуть хозяину стоимость раба, но и произвести расследование против того, кто «таким бесчестным образом его купил» (Ed. Th., § 101; ср. Paul., Sent., V, 16, 7). Но во время этого расследования раб все равно подвергался пытке. Законодательство предусматривало и другие случаи, когда господа отпускали своих рабов на свободу из страха, что те под пыткой раскроют их преступления. В подобных случаях закон предписывал, чтобы расследование все равно состоялось, а раб, даже и отпущенный на волю, подвергся пытке (Ed. Th., § 102; ср. Paul., Sent., V, 16, 9). Согласно предписаниям остготского законодательства рабы подвергаются жестоким пыткам и для раскрытия различных злоупотреблений их господ, в частности таких, как злонамеренная посылка раба в чужой дом с корыстными целями (Ed. Th., § 84; ср. CTh, V, 9; Cl, VI, 1, 4).

суд и предпочтет скорее выдать самого раба, чем защищать его на суде, он (господин — *З. У.*) все же обязан уплатить то, что, как будет доказано, он получил от этого воровства» (Ed. Th., § 118. Ср. Cl, III, 41, 4).

Итак, в остготском королевстве правовое положение рабов и отношение к ним со стороны господ отнюдь не улучшились по сравнению с римским временем. Однако наиболее важным является вопрос о том, изменилось ли экономическое положение рабов в этот период, и, если изменилось, то в каком направлении произошли эти изменения. При рассмотрении этого важного вопроса особый интерес представляют данные источников VI века об имущественном положении раба, о характере рабского пекулия и о связи раба с его пекулием¹.

В остготском королевстве, как и в римском государстве, рабы были лишены прав состояния. Вследствие этого остготское правительство, защищая имущественные интересы знати, включило в эдикт Теодориха весьма важное предписание, освобождающее господина от всякой материальной ответственности за долг его раба, колона или других подчиненных ему лиц: «если прокуратору или кондуктору, или колона, или рабу кого-либо против воли или без ведома господина кто-нибудь даст в долг деньги, то ни сам господин, ни его имущество пусть не терпят никакого ущерба, но из пекулия раба или колона (*ex peculio servi vel coloni*) возмещается требуемое кредитором, при соблюдении и сохранении прежде всего неприкосновенности (имущества) господина»².

В этом предписании эдикта Теодориха особое внимание привлекает упоминание о возмещении долга раба или колона из его пекулия. В этом отношении общая направленность данного постановления остготского законодательства вполне совпадает с предписаниями римского права относительно того, что господин несет материальную ответственность за долги раба, сделанные без его ведома и согласия, лишь в пределах его пекулия (*Dig. XIV, 5, 1; XV, 1, 29*). Однако следует подчеркнуть, что в эдикте Теодориха основное внимание обращено прежде всего на охрану интересов господина (а не кредиторов), причем специально оговаривается, что имущественные права господина ни в коем случае не должны быть ущемлены долговыми обязательствами раба или колона (*Ed. Th., § 121*). Если долг раба или колона превышает размеры пекулия, то кредитор не имеет права предъявлять какие-либо претензии к их господину. Для уяснения характера рабского пекулия в остготском государстве немаловажное значение имеют строгие предписания эдикта Теодориха о возвращении прежнему хозяину переманенного кем-либо или беглого раба обязательно вместе с его пекулием: «Тот, кто переманит (*sollicitaverit*) чужого раба (*mancipium*), пусть отдаст господину трех других рабов той же самой стоимости и его самого с его пекулием» (*Ed. Th., § 80; ср. § 84*). Это предписание свидетельствует, что рабы (а также и оригинарии) переходили от одного владельца к другому вместе со своим пекулием.

Для определения того, насколько прочной была реальная хозяйственная связь раба с его пекулием, весьма важным является и то обстоятельство, что в остготском законодательстве пекулий раба обычно приравнивается к пекулию колона (*Ed. Th., § 84*) или оригинария (*Ed. Th., § 80*). Тем самым, во-первых, имущество колона рассматривается как пекулий, который принадлежит господину и в случае ухода колона к другому хозяину должен быть возвращен прежнему владельцу, иными словами,

¹ О рабском пекулии в Римской и Византийской империи см. ценные исследования советских ученых: М. Я. С ю з м о в, Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма, диссертация (рукопись), т. III, гл. VIII, стр. 135—147; Е. М. Ш т а е р м а н, Рабство в III—IV вв. н. э. в Западных провинциях Римской империи, ВДИ, 1951, № 2, стр. 84—105; А. Р. К о р с у н с к и й, О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в Западных провинциях Римской империи в IV—V вв., ВДИ, 1954, № 2, стр. 48—55.

² *Ed. Th.*, § 121. Ср. *CTh.*, II, 30, 2; 31, 1—2; 32.

санкционируется потеря колоном владельческих прав на участок земли, который он обрабатывает. Но, с другой стороны, приравнивание пекулия раба к владению колона, который все же был более прочно связан с землей, чем раб, указывает, повидимому, и на то, что в этот период связь раба с его пекулием была уже значительно прочнее, чем в предшествующее время. Тем самым делается понятным, почему переход раба под власть другого господина происходит так же, как и переход колона, то есть, вместе с его пекулием (который мог состоять и из участка земли). Все это свидетельствует о том, что по мере разложения рабовладельческого строя и развития феодальных отношений хозяйственная связь раба с его пекулием делалась все более прочной и экономическое положение рабов и колонов в этом отношении сближалось.

Сближение положения рабов и колонов объясняется не только ухудшением условий жизни колонов (см. ниже), но и важными изменениями в экономическом положении самих рабов, которых в значительных масштабах «сажали» на землю и наделяли пекулием. Именно в результате изменения самого характера использования рабского труда столь симптоматичным для этого периода является значительная неразграниченность в положении различных категорий сельского зависимого населения Италии. Однако необходимо особо подчеркнуть и то весьма важное обстоятельство, что раб отнюдь не был собственником своего пекулия. Более того, в остготском законодательстве всецело сохраняется старое установление римского права, согласно которому пекулий является собственностью господина (Ed. Th., §§ 80 и 84).

В Италии во времена остготского владычества хозяйственная связь сельских рабов (*mancipia rustica*) с землей, полученной ими в качестве пекулия, была, повидимому, достаточно прочной, что нашло свое отражение и в 142-й статье эдикта Теодориха, являющейся нововведением остготского правительства. Эта статья гласит следующее: «Дозволено каждому господину из имений, которыми он фактически и на законном основании владеет, сельских манципиев обою пола (*rustica utriusque sexus mancipia*), даже если они являются оригинариями, переселять в другие места, находящиеся под его властью, или приобщить к городским занятиям (*vel urbanis ministeriis adplicare*), с тем, чтобы они были закреплены за теми имениями, в которые они были переселены по воле господина, и чтобы они по праву числились среди городских рабов; и пусть никакое судебное дело не возникает по поводу такого рода фактов и распоряжений, например, под предлогом происхождения. Господам позволено отчуждать (*alienare*) людей указанного положения (*conditionis*) и даже без участков земли, на основании письменных документов, или уступать (*cedere*), продавать (*vendere*) кому угодно, или дарить (*donare*)» (Ed. Th., § 142). Разрешение остготского правительства господам по их произволу переселять в другие имения или в город, а также отчуждать без земли сельских рабов и колонов-оригинариев, показывает, что к моменту издания эдикта в реальной действительности сложились такие отношения, мало по малу закрепляемые законом (ср. СІ, XI, 48, 7) и обычаем, когда связь сельского раба с землей, на которую он был посажен, стала уже настолько прочной, что отчуждение рабов без земли для господ было уже весьма затруднительным; в противном случае специальное разрешение такого рода, да еще оформленное в виде законодательного акта, не имело бы никакого смысла¹. Подобное предпи-

¹ Весьма важные изменения в экономическом положении рабов, выразившиеся в установлении более прочных хозяйственных связей раба с его пекулием (в частности, с переданным ему в качестве пекулия участком земли), явились результатом длительного экономического развития, связанного с разложением рабовладельческого строя и вытеснением элементов феодализма. Эти важнейшие сдвиги, как известно, были

сание выражало стремление остготского правительства разорвать сложившуюся в реальной действительности прочную связь раба с его пекулием, с тем участком земли, на котором он теперь жил и который он обрабатывал. Ведь еще в предшествовавший период, по мере разложения рабовладельческого способа производства и развития элементов феодализма, во время ожесточенной борьбы народных масс против рабовладельческой империи, часть рабов прочно осела на землю и стала в значительной степени самостоятельно распоряжаться своим пекулием. Хозяевам все труднее было теперь отрывать раба от участка земли, переданного ему в виде пекулия, и переселять в другие имения, превращать в городских рабов или отчуждать без земельного участка.

Однако возникает вопрос, почему остготское правительство, издав подобное предписание, в данном случае сочло необходимым изменить сложившиеся отношения и приняло столь решительные меры против закрепления рабов и колонов-оригинариев за их прежними местами жительства? Прежде всего, эти изменения были, повидимому, вызваны хозяйственными интересами остготской феодализирующейся знати, стоявшей у кормила правления. В тот период, когда в Италии происходило перераспределение земельной собственности, новым землевладельцам из числа остготской знати было весьма важно получить право свободного распоряжения посаженными на землю рабами и колонами, для того чтобы иметь свободный действительный при заселении вновь приобретенных ими владений необходимыми для их возделывания работниками. Запрещение отчуждать сельских рабов без земли было для остготской знати весьма стеснительным, ибо суживало возможности приобретения рабов у их старых владельцев из римской рабовладельческой аристократии. Мы видели, что, нуждаясь в рабочих руках для обработки приобретенных ими земель, «могущественные лица» в остготском государстве прибегали к различным незаконным способам, начиная от похищения и порабощения свободных людей, насильственного захвата и переманивания чужих рабов (и колонов) и кончая укрывательством беглых. Однако, повидимому, не всегда эти незаконные методы можно

зафиксированы еще в законодательстве Поздней Римской империи и нашли свое выражение в предписании римского права о запрещении продавать рабов-цензуариев без земли (СTh, XI, I, 20; CJ, XI, 48, 7). Подобное предписание было вызвано, с одной стороны, экономическими интересами крупных землевладельцев и рабовладельцев, стремившихся интенсифицировать труд рабов и для этого сажавших рабов на землю; с другой стороны, оно явилось завоеванием и самих угнетенных масс, под давлением классовой борьбы которых правительство должно было идти на некоторые уступки. Вряд ли можно столь важное нововведение сводить в основном к налоговой политике императоров Поздней Римской империи, стремившихся обеспечить регулярное поступление налогов от землевладельцев в соответствии с зафиксированным цензом составом рабочего населения поместья, как это полагает в своей работе А. Р. Корсунский, ук. соч., стр. 53. Трудно предположить, чтобы правительство Римской империи решилось на столь серьезное вмешательство в права рабовладельцев по отношению к рабам, как запрещение продавать рабов-цензуариев без земли, вопреки хозяйственным интересам самих рабовладельцев. Скорее, это постановление как раз и было вызвано экономическими интересами той части крупных землевладельцев и рабовладельцев, которые стремились сделать труд рабов более эффективным и для этого выделяли им небольшой участок земли в виде пекулия. Можно предположить, что первоначальное запрещение продавать рабов только за пределы провинции являлось лишь этапом в разработке законодательных норм, отражавших борьбу старых экономических форм с новыми. Бесспорно, что часть рабовладельцев в Поздней Империи еще цеплялась за старые методы использования труда рабов и противодействовала этому нововведению. Но неуклонный ход экономического развития привел все же к признанию необходимости фиксации более прочной хозяйственной связи раба с землей, что и нашло свое отражение в запрещении продавать рабов-цензуариев без земли. При этом надо учитывать также и то, что данное предписание было вызвано и еще другой хозяйственной необходимостью — крайней нуждой в рабочих руках и стремлением закрепить за поместьями живших в них работников.

было применить, поэтому для остготской знати было необходимо открыть себе вполне легальный путь приобретения рабов и колонов-оригинариев — право покупать их и без земли, а также приобретать их путем заключения иных законных сделок с их прежними владельцами. Таким образом, предписание 142-й статьи эдикта Теодориха выражали ту же самую общую тенденцию остготской знати к расширению своих владений и приобретению необходимых работников, которая проходит красной нитью через все законодательные установления остготского правительства. Кроме того, для остготской знати было весьма важно получить право свободного переселения сельских рабов и оригинариев из одного имения в другое для регулирования потребности того или иного поместья в рабочих руках, а также приобрести право переселять в город рабов — искусных ремесленников — и рабов для домашних услуг.

Для римской рабовладельческой аристократии также, повидимому, было выгоднее продавать рабов «на вывод», без земли, сохраняя по крайней мере хоть землю от притязаний своих могущественных соседей из числа остготской знати. Правительство Теодориха, отражая интересы остготской знати и одновременно не желая особенно обострять отношения со старой римской аристократией, издало это предписание, которое фактически значительно ухудшало положение посаженных на землю рабов (и особенно колонов), отдавая их вновь всецело на произвол господ, разрывая те установившиеся хозяйственные связи раба с его пекулием, которые являлись важным завоеванием предшествующего времени. Теперь вновь, по произволу господина, раб отрывался от обрабатываемого им участка земли, от своей семьи и мог быть в любую минуту продан «на вывод» или переселен в город.

Таков был социальный смысл предписаний 142-й статьи эдикта Теодориха в отношении сельских рабов и колонов-оригинариев. Правительство Теодориха, в угоду остготской знати, особо ограждало интересы новых владельцев и подтверждало их права на вновь приобретенных ими рабов и колонов. Несмотря на то, что эдикт Теодориха подтверждает право 30-летней давности владения рабом (*servus* — Ed. Th., § 69), оговорки, внесенные в остготское законодательство, приводили к тому, что это предписание эдикта фактически было направлено не на охрану прав старых владельцев, которые претендуют на возврат их рабов, мотивируя свое требование тем, что они уплачивали за рабов государственные подати¹, а на пресечение всяческих «мошеннических махинаций», связанных с ложными показаниями об уплате налогов прежними господами. Тем самым это предписание, по существу, ограждает интересы новых хозяев от притязаний как со стороны частных лиц, так и со стороны фиска. Права новых владельцев учитываются и в других статьях эдикта Теодориха (§ 148).

Рассмотренные данные источников VI века, касающиеся рабовладения в остготском государстве и положения рабов во время правления первых остготских королей, позволяют заключить, что рабовладение в остготском государстве имело значительное распространение, причем рабы использовались как в сельском хозяйстве, так и (в несколько меньшей степени) в ремесле. Рабский труд наряду с трудом колонов применялся как в хозяйстве крупных землевладельцев из числа остготской и римской знати, так и в церковных патримониях, на землях фиска и остготских королей, а также и в хозяйстве мелких землевладельцев (даже из числа зависимых людей — рустиков). Наличие и даже распространение рабовладения в

¹ Ed. Th., §69. В основе постановления лежит закон Майоряна о куриалах (7, § 1, 2), однако, в значительно измененном виде.

остготском государстве является ярким свидетельством живучести рабовладельческого строя в Италии — в этом центре рабовладельческого мира — и трудности для народных масс борьбы с ним. В остготском королевстве рабство не только не было окончательно уничтожено, но даже законодательным путем санкционировалось его укрепление и рабовладение еще признавалось обычной формой общественных отношений. Более того, остготская феодализирующаяся знать, придя к власти в Италии, провела ряд законодательных мер, направленных на утверждение рабовладельческих отношений. На первый взгляд может показаться несколько парадоксальным, что остготская феодализирующаяся знать, являющаяся носителем тенденции феодализации, использовала в своих интересах наряду с трудом колонов в значительных масштабах и труд рабов и даже законодательным путем санкционировала сохранение рабства. Однако это явление станет понятным, если мы вспомним, что иногда господствующие классы нового общества временно могли использовать в своих корыстных интересах старые, отсталые формы эксплуатации трудового населения, если они в какой-то степени приносили еще доход и способствовали их обогащению. Применение остготской феодализирующейся знати труда рабов для обработки своих имений в Италии показывает, что корыстные устремления, классовые интересы, алчная жажда наживы, необходимость в рабочих руках толкали остготскую знать на использование старых, низших, уже изживающих себя форм эксплуатации, в частности рабства.

Кроме того, это объясняется еще и тем, что до завоевания Италии у остготов довольно широкое распространение получило патриархальное рабство и остготская знать уже и тогда использовала труд рабов, а во время завоевания Италии привела с собой на Аппенинский полуостров немало своих рабов, слуг и других зависимых от нее людей, которых она подчинила еще в предшествующий период (F. Dahn, ук. соч., IV, стр. 86). В связи с этим можно высказать предположение, что наличие у остготов еще до завоевания рабства, хотя и примитивного, сыграло свою роль в дальнейшем временном укреплении рабовладения в остготском королевстве в Италии и нашло свое отражение в остготском законодательстве. С другой стороны, живучесть рабовладельческих отношений в Италии того времени объясняется также и тем, что старый, отживающий класс рабовладельческой аристократии, далеко еще не полностью разбитый, не хотел уступать своих позиций и вновь и вновь цеплялся за сохранение рабовладения. Основой временного союза остготской знати и старой римской рабовладельческой аристократии при первых остготских королях и была общая классовая политика в отношении народных масс, в особенности в отношении рабов. Естественно, что суровые предписания остготского законодательства, направленные против малейшего проявления неповиновения со стороны рабов, были внесены в эдикт Теодориха и в другие законодательные предписания того времени не без влияния римской рабовладельческой аристократии, живо сохранившей в своей памяти народные восстания предшествовавшего времени и стремившейся к укреплению власти господина над его рабами.

Таким образом, в «варварских» завоеваниях необходимо четко различать политику «варварской» знати и позицию рядовых воинов, основной массы «варваров». «Варварская» знать и «варварские» вожди и короли очень часто использовали в своих корыстных, классовых интересах завоевания, добытые в совместной борьбе народных масс Римской империи и основной массы «варваров». В частности, остготская знать с самого начала завоевания Италии ради своих корыстных интересов пошла на сближение с римской рабовладельческой аристократией; заигрывала с Восточно-Рим-

ской империей и католической церковью и, если бы не сопротивление народных масс, она готова была бы пойти даже на возрождение рабовладения. Поэтому следует резко различать объективно положительное значение «варварских» завоеваний, способствовавших разрушению рабовладельческой империи и уничтожению рабовладельческого строя, несущих и созидательный элемент в виде общинных отношений и свободного крестьянства, и политику «варварской» знати и «варварских» правителей, иногда даже тормозивших разрушение старого мира, что весьма ярко сказалось в правление остготского короля Теодориха и его ближайших преемников.

II. *Колонат и положение колонов.* Как ни значительна была роль рабовладения в экономической жизни остготской Италии VI века, все же большую роль, чем рабство, играл в то время уже колонат. Важным свидетельством возрастания удельного веса колоната в экономической жизни Италии VI века по сравнению с предшествующим временем являются весьма существенные изменения, внесенные в остготское законодательство, в отличие от предписаний римского права. Так, во многих случаях, когда в рескриптах римских императоров речь шла только лишь о рабах, в эдикте Теодориха наряду с рабами дополнительно упоминаются и колоны¹. При этом надо отметить, что подобные дополнения были внесены остготским правительством в весьма важные постановления эдикта, касающиеся существенных вопросов социально-экономической жизни того времени. Так, например, в предписании эдикта, запрещающем принимать беглых рабов, в основу которого положено постановление Константина от 317 г.², остготским правительством было сделано чрезвычайно существенное дополнение: теперь запрещалось принимать и укрывать не только беглых рабов³, но и чужих колонов⁴.

При этом в эдикте Теодориха изменено также и наказание за подобный проступок: уплата альтернативной денежной суммы в 20 солидов за каждого раба или колона заменена передачей возмещения в виде еще одного раба такой же ценности. Можно предположить, что в связи с общей натурализацией хозяйства, сокращением денежного обращения и острой нуждой в рабочих руках землевладельцам выгоднее было получать возмещение в виде рабов, а не в форме денежной компенсации. Не исключена возможность, что подобное изменение было внесено в эдикт Теодориха также и под влиянием германского права (см. F. Dahn, ук. соч., IV, стр. 83). В данной статье эдикта Теодориха раб и колон приравниваются друг к другу в том отношении, что за прием и укрывательство того и другого устанавливается одинаковое наказание. Вместе с тем дополнение о колонах, внесенное в эту статью, доказывает, что колоны составляли важную для землевладельцев категорию сельского населения и бегство их наносило значительный ущерб их хозяйству. Весьма важным предписанием эдикта Теодориха, красноречиво свидетельствующим о том, что защита прав землевладельцев на владение колоном являлась одной из важнейших задач остготского законодательства, было постановление о возвращении прежним хозяевам освобождавшихся из вражеского плена рабов и колонов, или закреплении их за новыми владельцами, если они были кому-либо уже проданы (Ed. Th., § 148). В специальном же предписании римского

¹ §§ 84, 97—98, 104, 109, 121, 128 и 148.

² CI, VI, 1, 4; CTh, V, 9.

³ CI, VI, 1, 4: «... Всякий, кто беглого раба, без ведома его господина, примет в свой дом или поле, пусть возвратит его вместе с другим рабом (равной стоимости) или уплатит 20 солидов». Ср. Вг. CTh, IV, 8, 3; LRburg., VI, 2.

⁴ Ed. Th., § 84: «Тот, кто, зная об этом, примет беглого раба (servum) или чужого колона (sive colonum alienum) и спрячет его, пусть возвратит господину его самого с приплатой и с его пекулием и даст еще другого раба такой же стоимости».

права, касающиеся этого вопроса, говорится лишь о возвращении прежним хозяевам освобожденных из плена рабов (C^I, VIII, 51, 10).

Неограниченные права господина не только по отношению к сельским рабам (*mancipia rustica*), но и по отношению к колонам-оригинариям, простирающиеся вплоть до продажи их без земли, перевода в город и в другие места, санкционировались 142-й статьей эдикта Теодориха. В эдикте особо оговаривалось, что долг колона и раба, сделанный без ведома их господина, возмещается из пэкулия как раба, так и колона (§ 121). Колон упоминается наряду с рабом и в 98-й статье эдикта, говорящей о случайном пожаре, возникшем на поле господина по их вине, в то время как в аналогичном предписании римского права речь идет только о рабе (Paul., Sent., V, 20, 3—4). То же самое мы видим и в предписании эдикта (§ 109) о насильственном похищении какого-либо имущества, совершенном рабом или колоном.

Весьма показательным для общей социальной направленности остготского законодательства является и то, что дополнительное упоминание колонов наряду с рабами вводится остготским правительством еще и в тех статьях эдикта Теодориха, которые касаются правонарушений со стороны угнетенных слоев сельского населения, явно носящих характер социальной борьбы. Так, например, колон упоминается вместе с рабом и оригинарием в 97-й статье эдикта, карающей сожжением за совершение поджога дома или виллы, причем все упомянутые категории зависимого населения противопоставляются свободным людям¹. Особо оговаривается в эдикте (§ 104) участие колонов, совместно с рабами, в самовольных захватах земель и нарушении границ чужого поля, причем в аналогичном предписании римского права упоминаются только рабы (Paul., Sent., V, 22, 2). За совершение подобного преступления колон, так же как и раб, подлежит смертной казни². Колон-оригинарий вместе с рабом упоминается в эдикте в качестве похитителя скота (Ed. Th., § 56). Среди лиц, бежавших от произвола своих господ, наряду с рабами, в эдикте называются также и колоны (§ 84).

Приведенные данные показывают, что остготское правительство в ряде случаев стремилось распространить на колонов те же суровые постановления, которые касались рабов, закрепляя за господами владельческие права на их колонов и строго преследуя всякое сопротивление со стороны зависимого населения. Вместе с тем, все это является неоспоримым свидетельством роста удельного веса колоната в экономике страны, увеличения заинтересованности крупных земельных собственников в использовании труда колонов, что служит, в свою очередь, выражением борьбы двух тенденций — рабовладельческой и феодальной в сельском хозяйстве Италии того времени.

В источниках той эпохи, в частности в законодательных памятниках, колоны обозначаются тремя особыми терминами, указывающими на существование некоторых различий в положении отдельных групп внутри этой социальной категории населения Италии VI века. Наряду с термином *coloni*³, сельское зависимое население обозначается в источниках термином *originarii*⁴, а иногда и термином *rustici*⁵.

¹ В римском праве эпохи Поздней империи также встречается противопоставление колона свободному человеку. См. Br. Nov. Valentin., IX, 1; CTh, V, 10, 1; X, 71, 3; C^I, XI, 48, 16.

² Ed. Th., § 104. Согласно предписанию римского права, раб за совершение подобного преступления ссылался на каторжные работы в рудники (Paul., Sent., V, 22, 2).

³ Ed. Th. §§ 84, 97—98, 104, 109, 121, 128 и 146—148.

⁴ Ed. Th., §§ 48, 56, 63—68, 80, 97 и 142.

⁵ Ed. Th., §§ 69, 150 и 152; C a s s i o d., Var., I, 2; II, 13; VI, 9; VIII, 31—33; XII, 5 и 14; RPR, № 656 и др. См. ниже, стр. 109.

1. О р и г и н а р и и (o r i g i n a r i i). Среди колонов Италии в период остготского владычества самой низшей категорией, наиболее близкой стоявшей по своему положению к рабам, являлись колоны-оригинарии, во многих отношениях представлявшие промежуточную социальную группу между рабом и колоном. Низкое положение колонов-оригинариев объясняется уже самим происхождением этой категории зависимых людей из посаженных на землю рабов¹. Неполноправное положение колонов-оригинариев сохранялось и в остготском королевстве, что явствует из целого ряда предписаний эдикта Теодориха, в которых рабы и оригинарии, хотя и различаются, но по существу приравниваются друг к другу. Так, например, за похищение девушки-рабыни (*ancilla*) или оригинарии (*aut originariam*) закон устанавливает одинаковое наказание, как бы уравнивая тем самым их положение (*Ed. Th.*, § 21). За угон скота, совершенный рабом (*servus*) или оригинарием (*aut originarius*), в равной степени отвечает их господин, который может по своему желанию или компенсировать причиненный ими ущерб, или выдать их судье для предания смертной казни (*Ed. Th.*, § 56). Положение раба и оригинария уравнивается и в 63-й статье эдикта, касающейся насилия над свободной женщиной. Бесправное, весьма низкое общественное положение оригинариев, близкое к положению рабов, достаточно отчетливо видно из предписания эдикта Теодориха о том, что свободный, не зависящий ни от какой городской общины человек, вступивший в связь с чужой рабыней или оригинарией, в случае, если он не может дать господину девушки установленное законом возмещение, может остаться во власти господина женщины, при этом он не имеет права не только расторгнуть с ней свой союз, но и уйти от господина, даже в случае ее смерти (§ 64). Таким образом, свободный, но бедный гражданин, вступивший в связь не только с рабыней, но и с оригинарией, фактически терял свою свободу и превращался в зависимого от ее господина человека. Более того, он был обязан оставаться в зависимом положении даже после смерти женщины². В заключительной части этой статьи эдикта указывается, что если господин не согласится на это или сам свободный не пожелает остаться в поместье, но в то же время не будет в состоянии выдать господину в качестве возмещения двух рабов, то, жестоко битый палками, он делается коллегиатом соседней городской общины, т. е. опять-таки превращается в неполноправного, зависимого от городской общины человека. Можно предположить, что в реальной действительности того времени подобные случаи были нередки и что такого рода союзы являлись одним из способов прикрепления свободных, но бедных людей к поместью крупных землевладельцев и превращения их в зависимых лиц.

В этом предписании эдикта Теодориха опять-таки проявляется общая тенденция остготского законодательства к ухудшению положения народных масс, стремление остготского правительства закрепить трудовое население Италии за поместьями крупных собственников. Однако остготское законодательство все же проводит совершенно определенную грань между рабом и оригинарием. Так, например, в эдикте Теодориха особо оговаривается, что все потомство, рожденное от союза свободного человека, оригинария или раба и рабыни (*ancilla*), наследует положение матери, т. е. превращается в рабов ее господина (§ 65). Если же чужой раб или свобод-

¹ Сам термин *originarii* «уроженцы» восходит ко второй половине IV в. и первоначально относился преимущественно к посаженным на землю рабам и лишь позднее стал применяться и по отношению к низшей категории колонов (см. E. Stein, *ук. соч.*, II, стр. 132—134).

² Характерно, что в римском праве свободный человек, вступивший в связь с зависимой женщиной и оставшийся жить в поместье ее господина, сохраняет свою свободу (*salva ingenuitate*), хотя и теряет право ухода (*Nov. Valentin.*, III, 30, 5).

ный человек вступит в связь с оригинарией, то дети, рожденные от этого союза, все же (*nihilominus*) наследуют статус матери, то есть остаются на положении оригинариев (§ 66; ср. СI, XI, 47, 16). В случае же, если чужой оригинарий вступит в связь с оригинарией, то $\frac{2}{3}$ потомства получает господин отца, а $\frac{1}{3}$ — господин матери (Ed. Th., § 67; ср. СTh, V, 10, 3).

Зависимое, совершенно бесправное, но все же отличающееся от рабского, положение оригинариев в остготском королевстве со всей отчетливостью видно из весьма жесткого предписания эдикта Теодориха, заимствованного из римского права: «Оригинария, покинувшая место своего рождения, может быть возвращена обратно в течение 20 лет. Если же оригинария по истечении 20 лет окажется, согласно этому предписанию, утраченной для своего господина, тем не менее ее потомство, рожденное в течение этого 20-летнего срока, пусть не будет потеряно господином матери, сообразно с требованием нового закона»¹. Таким образом, оригинарии рассматривались в остготском государстве как лица, находящиеся не только в поземельной, но и личной зависимости от своих господ². Оригинарии, наряду с рабами и вольноотпущенниками, под страхом смертной казни были лишены права выступать свидетелями по делу своих господ или их детей, даже в том случае, если они давали показания в их пользу (Ed. Th., § 48; СTh, IX, 6, 3). Тем самым лишний раз подтверждались их юридическая неправоспособность и зависимое положение. Оригинарии, вместе с рабами и колонами, противопоставляются свободным людям и в 97-й статье эдикта Теодориха, направленной против поджогов чужого имущества, в том числе домов и вилл крупных землевладельцев. В этом постановлении такие социальные категории, как раб, колон и оригинарий, объединяются в единую группу, и за совершение преступлений, носящих характер социального сопротивления, подтверждаются самой жестокой каре, в отличие от свободных граждан, которые за подобные же проступки присуждаются к значительно более мягкому наказанию.

Наиболее ярким показателем дальнейшего ухудшения положения колонов-оригинариев в остготском королевстве, под давлением все возрастающих притязаний остготской и римской феодализирующейся знати, является известное нововведение правительства Теодориха, предоставляющее крупным землевладельцам право переселять в другие свои имения или в город и отчуждать без участка земли не только сельских рабов (*mancipia rustica*), но даже и колонов-оригинариев (Ed. Th., § 142).

Анализ употребления термина *mancipia* как в самом эдикте Теодориха, так и в других памятниках того времени доказывает, что в 142-й статье эдикта речь идет о разрешении господам переселять и отчуждать без земли не только сельских рабов, но и других зависимых людей, в частности колонов-оригинариев. Это подтверждается также анализом употребления термина оригинарий (*originarius*) в эдикте Теодориха. Как было показано выше, остготское законодательство всегда различает рабов и оригинариев, хотя иногда и уравнивает их положение (Ed. Th., §§ 48, 56, 63—68, 80, 97 и 142). Вместе с тем, на наш взгляд, упоминание в 142-й статье эдикта Теодориха наряду с рабами именно такой категории зависимого населения, как колоны-оригинарии, отнюдь не случайно. Именно оригинарии по своему положению более других категорий зависимых людей приближались к рабам, и поэтому остготскому правительству было легче законодательным

¹ Ed. Th., § 68; СTh, V, 10, 1, § 3; Nov. Valentin., III, 30, 2. Под «требованием нового закона» в эдикте Теодориха подразумевается именно это предписание Валентиниана III. Следует особо подчеркнуть, что термин *colona rescripta* римского императора остготский король заменяет термином *originaria*, считая их равнозначными, что указывает на идентификацию понятия колон и оригинарий.

² СTh, V, 8, 1; X, 12, 2; XIII, 13; СI, XI, 50, 2.

путем санкционировать переводение на положение городских рабов или отчуждение без земли именно этой наиболее бесправной и зависимой части колонов¹.

Вместе с тем не подлежит сомнению, что для колонов-оригинариев вопрос о сохранении известных гарантий пользования тем участком земли, на котором они жили и который обрабатывали, был одним из важнейших моментов в их борьбе за отвоевание их трудовой собственности и свободы. Потеря этих гарантий безусловно значительно ухудшала их положение, обрекала на то, чтобы стать жертвой полного и неограниченного произвола господ, которые могли теперь в любую минуту их продать, променять, подарить или перевести в городские эргастерии на положение городских рабов. Бесспорно и то, что трудовое население Италии оказывало решительное сопротивление новым попыткам со стороны господ фактически низвести их на положение рабов и лишить их наследственного, освященного обычаем права жить и трудиться на тех землях, на которых родились они сами и их отцы и деды. Потеряв постепенно право собственности на обрабатываемую ими землю, колоны, в том числе и оригинарии, упорно стремились к сохранению хотя бы освященных обычаем прочных прав пользования своим земельным участком.

В период господства остготов в Италии остготская и римская феодализирующаяся знать, широко применявшая труд колонов для обработки захваченных ею земель, была особенно заинтересована в свободном распоряжении колонами, в частности оригинариями, с целью переселения их из одних имений в другие, а также приобретения новых колонов путем покупки, обмена и дарения. Остготская знать требовала от правительства уничтожения всяких преград, мешавших свободе хозяйственной деятельности новых землевладельцев, в целях обеспечения их имений рабочими руками.

В интересах именно этих группировок господствующего класса остготского королевства и было издано столь суровое предписание правительства Теодориха, которое с сознательной целью уничтожило ранее существовавшие установления римского права, запрещавшие продавать колонов без земли (*Nov. Valentin.*, III, 12). Отмена этих ограничений, произведенная правительством Теодориха в интересах остготских и римских крупных землевладельцев, вполне совпадает с общей социальной направленностью всего остготского законодательства и с другими предписаниями эдикта Теодориха, касающимися положения колонов-оригинариев (*Ed. Th.*, §§ 56, 65—68, 80 и 97).

Но остготское правительство проводило это мероприятие все же с некоторой оглядкой, опасаясь, повидимому, выступлений народных масс и недовольства со стороны части господствующего класса, ибо оно не распространило это предписание на все категории сельского зависимого населения Италии, а особо оговорило, что предписание относится лишь к сельским рабам, посаженным на землю, и к низшей категории колонов,—

¹ О том, что оригинарии упомянуты в 142-й статье отнюдь не случайно, свидетельствует также и весьма показательная оговорка, внесенная в это предписание эдикта, гласящая, что никакие судебные дела не могут возникать по поводу подобных действий и распоряжений господ,—«даже под предлогом происхождения» (*Ed. Th.*, § 142). Эта весьма существенная оговорка относится к оригинариям и свидетельствует о том, что до издания данного предписания эдикта оригинарии, ссылаясь на свое происхождение, не желали покидать имений, где они родились, и оказывали сопротивление попыткам со стороны господ продать их без земли, перевести в город или в другое имение. По этому поводу, повидимому, возникали судебные процессы, основанием для которых являлись законодательные предписания, относящиеся к эпохе Поздней империи и запрещающие продавать колонов без участка земли и переводить их, подобно рабам, в состав городских слуг (*CTh.*, V, 6, 3; XI, 1, 26; *CI.*, XI, 48, 7; *N. Valentin.*, III, 12, 1).

к оригинариям. И хотя угнетенное население в тот момент потерпело поражение, ибо сила была на стороне остготской знати, заключившей союз с римской рабовладельческой аристократией, все же народные массы Италии вскоре вновь поднимутся на борьбу за свое освобождение и за свое право владеть землей, возделанной трудами их рук.

2. К о л о н ы (с о l о n i). Несмотря на известную неясность и путанность терминологии юридических и других памятников остготского времени, все же можно наметить определенную грань между колонами-оригинариями и собственно колонами (coloni). В эдикте Теодориха originarii и coloni упоминаются раздельно. Так, например, в статье 97-й (о поджоге) колоны (coloni), хотя и причисляются, наряду с рабами и оригинариями, к категории зависимых людей, противопоставленных свободным гражданам, но упоминаются отдельно и от рабов, и от оригинариев. Если в остготском законодательстве оригинарии в большинстве случаев прямо приравниваются по своему положению к рабам, то в отношении колонов эта тенденция выражена уже в значительно меньшей степени, хотя и в положении этой социальной категории имелись некоторые черты, которые сближали их с рабами. При этом необходимо заметить, что законодательство остготских королей в ряде случаев стремится закрепить и даже усилить те правовые нормы, иногда почерпнутые им из римского права, которые сближали положение раба и колона. Весьма показательным в этом отношении является самостоятельное предписание эдикта Теодориха о возврате прежним хозяевам не только освободившихся из плена рабов, но и колонов (§ 148). Это предписание свидетельствует, что колон рассматривался как собственность господина, подлежащая возврату¹. В своем стремлении обеспечить крупных землевладельцев рабочими руками остготское правительство санкционирует возврат прежним владельцам не только рабов, но и колонов, поскольку, как мы видели, труд колонов приобрел большое значение в хозяйственной жизни Италии того времени.

Вместе с тем попавший в плен колон мог быть продан в рабство и перейти на положение раба, причем он считался уже собственностью нового владельца². На основании предписания параграфа 84-го эдикта Теодориха можно предположить, что колонов в особых случаях, в частности, в случае их бегства от своих господ, закон разрешал во время судебного расследования подвергать пытке, так же как и рабов (ср. Nov. Valentin., III, 23). Колон, так же как и раб, в случае насильственного похищения чужого имущества (Ed. Th., § 109) или совершения поджога на поле хозяина (Ed. Th., § 97) может быть выдан господином судебным властям для казни, если господин не пожелает возместить за него убытки³. Если господин не желает защищать на суде своего раба, колона или сына, находящегося в его власти, то он может также передать их для наказания судье. Однако сын (как свободное лицо) может и сам защищаться на суде, в то время как раб и колон в данном случае оба лишены юридической правоспособности (Ed. Th., § 128). Господин может принудить своего колона, так же как и раба, к совершению какого-либо преступления, с целью извлечения для себя выгоды⁴, что указывает на возрастание личной зависимости колона

¹ Ср. CTh, V, 6, 3; 18, 1; CI, XI, 48, 8.

² Ed. Th., § 148. Ср. CTh, V, 18, 1; X, 12, 2; XIII, 1,3; CI, XI, 50, 2.

³ Ed. Th., §§ 97 и 109. Ср. CI, III, 26, 8; 41, 4.

⁴ Например, господин мог принудить колона к совершению насильственного похищения чужого имущества (Ed. Th., §§ 75 и 109), к захвату чужой земли (Ed. Th., § 104), подослать в чужой дом с корыстной целью (Ed. Th., § 84) и др. Крупные землевладельцы в эпоху Поздней империи также использовали колонов в своих вооруженных отрядах, с целью нападения на владения своих соседей (CTh., XIII, 1, 3; XV, 45, 1; S i d. A p p o l., Ep. III, 3).

от господина. Однако, наряду со стремлением сблизить положение не только оригинариев, но и колонов с положением рабов, в остготском законодательстве проводится между ними и весьма четкое разграничение. Так, в ряде случаев за колонами в эдикте Теодориха признаются такие права, которые существенным образом отличают их как от рабов, так и от оригинариев. В качестве наиболее яркого примера можно привести предписание эдикта, согласно которому судебное дело о краже плодов, похищенных из имения (*fundus*), может возбудить не только господин, но и колон, ибо это важно и для того, и для другого¹. В данном случае закон признает правоспособность колона и считает его юридической стороной в судебном деле, в то время как раб, согласно законодательным предписаниям, не мог самостоятельно возбудить судебное преследование, если у него была совершенна кража; за него это мог сделать только его господин (*Br. Paul.*, II, 32, 21).

Однако необходимо особо подчеркнуть, что остготское законодательство признает юридическую правоспособность колона именно в таких судебных делах, когда колон выступает защитником не только своих интересов, но и имущества своего господина, ибо ведь в сохранении урожая поместья в равной степени были заинтересованы и колоны и их господин. В этом случае законодательство отражает те реальные экономические связи, которые соединяли между собой господствующий класс и трудовое население Италии того времени². Весьма характерно также, что в эдикте Теодориха *coloni* не упоминаются в числе лиц, которым было запрещено выступать в качестве свидетелей против своих господ (§ 48). Тем самым, повидимому, остготское правительство молчаливо признавало установления римского права эпохи Поздней империи, согласно которым колонам не запрещалось выступать в суде в качестве свидетелей³. Это доказывает признание остготским правительством за колонами некоторой, хотя и ограниченной правоспособности⁴.

Весьма важны для определения положения колонов предписания остготского законодательства, указывающие на тесную экономическую связь колона с участком земли, который он обрабатывал. Несмотря на то, что участок земли, полученный колоном от господина, в эдикте Теодориха называется так же, как и рабский надел, пекулием (§ 121), права колона на этот земельный участок были бесспорно более прочными, чем права раба или оригинария. Так, по закону колоны могли в судебном порядке защищать от хищений урожай, собранный с этого участка земли (*fundus* — *Ed. Th.*, § 146), а также продавать свой урожай (с ведома и разрешения господина — *СтH*, XIII, 1, 10, 3). Более прочная связь колонов (*coloni*) с землей явствует также и из 142-й статьи эдикта Теодориха, согласно которой господам разрешалось отчуждать без земли лишь колонов-оригинариев, а отнюдь не собственно колонов. Несмотря на то, что, оградив имущество господина, законодательство предписывало возмещать долг колона (так же, как долг прокуратора, кондуктора и раба) из его пекулия⁵ в преде-

¹ *Ed. Th.*, § 146: *De frugibus ab aliquo ex fundo cuiuslibet sublatis, tam colonus quam dominus, quia utriusque interest, agere potest.* Ср. *Paul.*, *Sent.*, II, 31, 30, где речь идет о свободном колоне-кондукторе (*de libero conductore*).

² См. И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 19.

³ *Br. СтH*, V, 11, 1; *S y m m.*, Ep. VII, 56.

⁴ В римском праве колонам запрещалось возбуждать гражданские иски против своих господ, за исключением только дел, касающихся незаконного повышения господами размера оброка сверх установленного обычая (*СI*, XI, 50, 1; 2). Но с разрешения господ колоны могли вести в суде процессы по гражданским делам (*Br. СтH.*, V, 11, 1).

⁵ *Ed. Th.*, § 121. Характерно, что в аналогичном предписании римского права речь идет о пекулии управляющего (*actor*), серва и прокуратора (*СтH*, II, 32, 1). В эдикте же Теодориха «*actor*» заменен «*colonus*» (§ 121).

лах стоимости этого пекулия, колон, повидимому значительно свободнее, чем раб, мог заключать различные сделки¹. Весьма характерно для положения колоннов в остготском государстве и то, что законодательство остготских королей умалчивает о статусе потомства колоннов (*coloni*) и о брачном праве для этой категории зависимых людей, в то время как потомство оригинариев по закону считается собственностью господи их союз рассматривается не как законный брак, а как сожительство (*contubernium* — Ed. Th., §§ 66 и 67. Ср. Br. Nov. Valentin., IX, 1). Таким образом, колонны², в отличие от оригинариев, ближе стоявших по своему положению к рабам, имели некоторые юридические права, а также обладали большей хозяйственной самостоятельностью. При этом необходимо подчеркнуть, что длительное и фактически наследственное владение колонами их участками земли затрудняло для господ сгон с земли этой, более, повидимому, способной к сопротивлению категории зависимого населения Италии того времени³.

Следовательно, на основании анализа источников, относящихся ко времени правления первых остготских королей, мы можем прийти к заключению, что собственно колонны (*coloni*) несколько отличались от колоннов-оригинариев как по своему экономическому, так и правовому положению. Они сохраняли больше черт, присущих свободным гражданам, чем оригинарии, статус которых в ряде случаев приближался к положению рабов.

3. Рустики (*rustici*). В период остготского владычества в Италии значительно ближе к свободным крестьянам, чем колонны, стояли, повидимому, рустики. Однако выяснение реального значения термина рустик (*rusticus*) как для остготского времени, так и для предшествовавшего ему периода⁴, наталкивается на значительные трудности, ибо употребление этого термина в источниках отличается крайней расплывчатостью, а иногда даже и противоречивостью. Тем не менее в законодательных памятниках остготского времени, а также в современных им нарративных источниках имеются некоторые ценные сведения, позволяющие прийти к заключению, что под термином *rustici* в остготском государстве подразумевалось зависимое сельское население, по своему положению сходное с колонами (*coloni*), но ближе, чем собственно колонны, стоявшее к свободным людям и пользовавшееся некоторыми, довольно существенными преимуществами.

¹ В Восточно-Римской империи колон в VI в. еще сохранял право распоряжения своим пекулием (СI, XI, 48, 19).

² В переписке Кассиодора упоминание о колонах встречается только один раз: призывая possessоров и куриалов области Бруттиев возвратиться в города, К а с с и о д о р указывает, что в их общинах (*in civitatibus suis*) имеются колонны (*coloni*), которые старательно возделывают поля (Var., VIII, 31, 4). Столь редкое упоминание термина *coloni* в переписке Кассиодора, на наш взгляд, еще не может служить доказательством незначительной распространенности этой категории зависимого населения в Италии VI века, ибо при расплывчатости терминологии Кассиодора собственно *coloni* часто могут скрываться под более общим названием рустиков (*rustici*), или трибутариев (*tributarii*) (Var., IV, 36; V, 39; IX, 9; X, 27; XI, 7 и 15; XII, 16 и 28). В частности, в том же письме, в котором Кассиодор упоминает о колонах, он призывает possessоров и куриалов Бруттия отделиться от деревенщины (*rusticitas*), подразумевая под этим термином всех сельских жителей, в том числе и только-что упомянутых им колоннов (Var., VIII, 31, § 4.)

³ Ed. Th., 142. Ср. Dig., XLIII, 26, 6; СTh, IX, 27, 6; СI, VII, 39, 2. А. Р. К о р с у н с к и й (ук. соч., стр. 60) ошибается, когда утверждает, что в 84-й статье эдикта Теодориха речь идет о праве господ обменивать колонов без земли. В этой статье эдикта говорится лишь о запрещении принимать беглых рабов и чужих колоннов.

⁴ М. Е. Сергеевко в своей весьма ценной работе «К истории колонатных отношений» (ВДИ, 1949, № 2) достаточно убедительно доказала, что в эпоху Поздней Римской империи термин *rusticus* применялся преимущественно по отношению к колонам.

Наиболее показательным для характеристики положения рустиков в остготском государстве является чрезвычайно важное предписание эдикта Теодориха, к тому же являющееся нововведением самого остготского правительства. Это предписание гласит: «Никому не дозволяется против воли господина требовать от чужого рустика (*rustico alieno*) работы или услуг (*operas aut obsequium impregare*) и не разрешается пользоваться его рабом (*eius mancipio*) или быком, за исключением того случая, когда это делается по желанию самого рустика, или кондуктора, или господина» (Ed. Th., § 150). Нарушитель этого постановления был обязан уплатить в качестве возмещения за день работы рустика или быка по одному золотому солиду¹. При анализе этой статьи эдикта Теодориха прежде всего бросается в глаза некоторая двойственность в положении рустика. С одной стороны, в данном случае рустик выступает как человек зависимый, подчиненный воле господина, без разрешения которого запрещается использовать его труд. С другой стороны, мы видим, что сам рустик обладает и некоторыми преимуществами по сравнению с другими, более низшими категориями зависимых людей. Прежде всего, ему принадлежат некоторые права на имеющиеся у него средства производства, состоящие из рабов и рабочего скота. Этими средствами производства рустик в известных случаях может распоряжаться, независимо от воли господина, ибо в эдикте особо оговаривается, что без согласия самого рустика нельзя использовать труд его раба или быка. Следовательно, использование находящихся в распоряжении рустика средств производства было возможно при наличии соглашения с самим рустиком². Это предписание эдикта Теодориха, на наш взгляд, является весьма важным свидетельством того, что рустики, как наиболее близкая к свободным крестьянам категория колонов, имели возможность сравнительно свободно распоряжаться своими средствами производства, и что остготское правительство было принуждено не только признать, но и санкционировать это важное право рустиков³.

Вместе с тем в остготском законодательстве термин *rustici* в отдельных случаях употребляется как собирательное понятие для обозначения сельского населения, как зависимого от своих господ, так иногда и свободного (Ed. Th., §§ 69 и 152). В качестве примера употребления термина *rusticus* для обозначения зависимого человека можно привести предписание эдикта Теодориха (§ 152) о том, что в случае убийства кем-либо раба или рустика их господин может по своему усмотрению или возбудить уголовное дело, или же предъявить к убийце гражданский иск и потребовать материальной компенсации за потерю зависимых от него людей.

Скорее всего в данном случае термин *rusticus* носит характер собирательного обозначения всех зависимых от господина сельских жителей (исключая, конечно, рабов), за убийство которых господин может требовать возмещения материального ущерба, связанного с потерей зависимых от него лиц⁴. Такое же собирательное, обобщающее значение имеет термин *rus-*

¹ Ed. Th., 150. Ср. Cassiod., Var., I, 2; II, 13; VI, 9; VIII, 31—33; XII, 5, 14.

² П. Виноградов (ук. соч., стр. 92) считает, что 150-я статья эдикта Теодориха характеризует положение всех колонов Италии (без различия в статусе их отдельных категорий). При этом он подчеркивает, что теперь воля господина заменяет закон и наступает период господства обычая.

³ А. Р. Корсунский (ук. соч. стр. 61), интерпретируя эту статью эдикта Теодориха, подчеркивает, что, согласно этому предписанию, собственник земли мог распоряжаться средствами производства, находящимися в пользовании у колона-рустика. Однако он оставляет в тени то обстоятельство, что сам рустик также мог давать согласие на использование его раба и быка (*eius mancipio aut bove*), что указывает на наличие прав у самого рустика на эти средства производства.

⁴ При этом следует особо подчеркнуть, что упоминание рустиков в данной статье является добавлением самого остготского правительства, а из римского права заим-

ticus в статье 69-й эдикта Теодориха, где говорится о бегстве различных категорий населения (рабов, коллегиятов и куриалсов) с их прежних мест жительства и закреплении их по прошествии 30 лет за новыми хозяевами. В этом предписании эдикта Теодориха подчеркивается, что с согласия самих беглых рустикав и куриалов возникают различные злоупотребления с целью нарушения закона о 30-летней давности, причем термин *rusticus* здесь применяется для обозначения различных категорий сельского населения, в противоположность городскому (куриалам).

Двойственная природа термина *rusticus* еще более ярко обнаруживается в «Вариях» Кассиодора, где этот термин употребляется в различных значениях и обозначает то свободного сельского жителя (Var., VIII, 31,5), то несвободного или полусвободного человека, зависящего от своего господина (Var., II, 13; VI, 9; VIII, 31—33), а в отдельных случаях даже сельского раба (*famulus* — Var., VIII, 30; XI, 10). В некоторых случаях рустики как определенная категория сельских жителей включаются Кассиодором (так же, как и Эннодием) в обобщающее понятие *homines*¹. Иногда они упоминаются в качестве *homines ecclesiae* (Cassiod., Var., II, 29; IV, 44) или *familiares* (там же, IV, 44), которые могут быть или несвободными людьми, или вольноотпущенниками². В одном месте у Кассиодора рустики предстают перед нами как обедневшие свободные люди, уже теряющие свободу, которые могут быть подвергнуты позорному наказанию палками (Var., VIII, 33).

В письме короля Аталариха к одному из правителей Лукании и Бруттия — Северу рассказывается о том, как во время ежегодной ярмарки в Лукании, вследствие «наглой дерзости» местных рустикав, происходят нападения на торговцев. В том случае, когда виновником подобного преступления являлся кто-либо из рустикав, он подвергался наказанию палками, и, публично отведенный на казнь, должен был этим позорным наказанием искупить свой проступок (Cassiod., Var., VIII, 33, 1—2). Необходимо особо отметить, что к установлению порядка и преследованию рустикав привлекались не только государственные чиновники, но и поссессоры и кондукторы окрестных имений (там же, § 2). Порою, стремясь изобразить картину процветания Италии в правление остготских королей, Кассиодор впадает в явную идеализацию положения рустикав. Так, например, яркими красками живописуя идиллическую картину богатств и красот природы области Бруттий, Кассиодор пишет: «Живут там деревенские жители (*rustici*), пируя, как горожане, люди с умеренным состоянием (*mediocres*) наслаждаются изобилием, подобно самым могущественным, ибо ясно, что там даже малое состояние и недалеко от богатства» (Var., VIII, 31, 5). При всей тенденциозности данного описания жизни рустикав, все же это место из труда Кассиодора привлекает особое внимание упоминанием собственного, хотя и незначительного, состояния у рустикав. Тем самым косвенным образом подтверждаются данные эдикта Теодориха о том, что рустики обладали некоторыми средствами производства, в частности рабочим скотом и рабами (§ 150). В другом месте «Варий» Кассиодора мы находим еще одно важное свидетельство того, что рустики имели свое хозяйство и средства производства. Описывая плодородие и богатства области Региума, Кассиодор сообщает, что в садах рустикав постоянно трудились работники (*in hortis autem rusticorum agmen habetur operosum*), занимающиеся возделыванием и поливкой овощей (Var., XII, 14, 3). Среди трудившихся в садах рустикав работников могли

ствована лишь альтернативная замена уголовного процесса гражданским иском (ср. СTh, IX, 20, 1).

¹ Cassiod., Var., II, 19, 29; III, 14; IV, 44; V, 12; VI, 8.

² Cp. Ed. Th., §§ 30, 48, 102—103 и 120.

быть не только сами рустики и члены их семей, но, возможно, и их рабы, о которых прямо говорит 150-я статья эдикта Теодориха. Привлекает внимание и указание Кассиодора на то, что рустики имели свои сады и огороды (Var., XII, 14, 2, 3).

В письме короля Аталариха от 527 г. сохранилось и другое ценное известие, также подтверждающее наши предположения. Рассказывая о том, что, как ему стало известно, рустики Сцилатинской территории похитили коней у знатного путешественника Нимфазия, отдохавшего близ чудесного источника Арегузы, король Аталарих предписывает схватить преступников и временно содержать их в собственных домах (*teneantur in suis laribus quieti...* — Cassiod., Var., VIII, 32, 5). Таким образом, в этом послании прямо указывается на то, что рустики принадлежали к той категории сельского населения, которая имела свои дома, своих ларов и пенатов. Большое значение для определения реального положения рустиков имеет сообщение Кассиодора о том, что рустики были колонами, жившими на королевских землях и являвшимися держателями земель фиска (Var., VI, 9). В формуле *comitivae patrimonii*, приведенной у Кассиодора, указывается, что в обязанности *comes patrimonii* входит управление наследственными владениями королевского дома и населявшими эти земли рустиками (Var., VI, 9, 2). Рустики патримониальных владений короля подчинялись суду *comes patrimonii* (там же). В формуле *comitivae patrimonii* предписывается, чтобы *comes patrimonii* проявлял по отношению к рустикам, принадлежащим к имуществу королевского дома, твердую власть в соединении со снисходительностью.

Наряду с упоминанием рустиков в качестве свободных земледельцев или свободных колонов, Кассиодор значительно чаще упоминает о них как о зависимых людях¹. В одном важном рескрипте остготского правительства (от 507/511 г.), приведенном Кассиодором, рустики (*rustici*) выступают как зависимое сельское население, находившееся под патронатом одного знатного магната по имени Венанций (Var., II, 13). Этот Венанций, нуждаясь в деньгах для уплаты долга за одного несостоятельного должника, поручителем которого он являлся, захотел добыть нужную ему сумму в 400 солидов путем взыскания ее с зависимых от него земледельцев (*rustici*). Однако притязания Венанция правительство сочло незаконными и послало особое распоряжение некоему сайону Фрумариту, с тем чтобы он пресек эти вымогательства Венанция (Cassiod., Var., II, 13). Это предписание свидетельствует, что рустики платили в пользу своих патронов уже определенно фиксированные и освященные обычаем взносы, и в случае незаконных вымогательств со стороны крупных землевладельцев оказывали такое сопротивление, с которым правительство должно было считаться и запрещать взыскивать с рустиков незаконные поборы сверх установленных обычаем платежей. Привлекает особое внимание то обстоятельство, что Венанций, добиваясь получения нужной ему суммы денег, пытался взыскать ее с подвластных ему рустиков в виде денежных платежей, особенно для них обременительных².

Примером употребления термина *rusticitas* «деревенщина» в широком, собирательном значении может являться одно место из труда Кассиодора, где «деревенщине» (*rusticitas*) как собирательному понятию «сель-

¹ Var., II, 13; 19 и 29; III, 14; IV, 44; V, 12; VIII, 31—33.

² Некоторые исследователи высказывают интересное предположение, что в остготском королевстве колоны уплачивали крупным земельным собственникам из числа римской и остготской знати ренту за пользование участками земли преимущественно в денежной, а не в натуральной форме (H. Geiss, ук. соч., стр. 7—10 и 46; E. Stein, ук. соч., стр. 199).

ских жителей» противопоставляются те possessores и куриалы Бруттия, которым остготское правительство даровало почести и назначения на общественные должности (Var., VIII, 31, 4). В редких случаях rusticus у Кассиодора является синонимом раба (famulus — Var., VIII, 31; XI, 10), но, как правило, в его труде рабы и рустики противопоставляются друг другу (Var., V, 39).

Таким образом, рустики у Кассиодора — в большинстве случаев сельские жители, некогда свободные, но теперь уже потерявшие или теряющие свою свободу и попавшие в зависимое положение как от светских землевладельцев, так и от церкви. Однако они еще сохраняют некоторые преимущества по сравнению с другими, более низшими категориями зависимых людей: так, например, они активно отстаивают установленную обычаем норму оброка, который они платят землевладельцам за пользование землей. По своему положению они стоят ближе к свободным мелким землевладельцам, чем собственно coloni или колонии-оригинарии.

В VI в. рустики, повидимому, являлись распространенной категорией зависимых людей Италии, живших на землях католической церкви, о чем свидетельствует обширная переписка римских пап. Так, например, в письме папы Пелагия I к епископу Цингуланскому Иоанну (555—560 гг.) идет речь об обмене зависимых людей церкви (mancipia) и при этом указывается, что стоимость раба-ремесленника (artifex) и министра (ministerialis puer) не равнозначна цене рустика и колона (contra rusticum vel colonum). Для церкви значительную ценность имели сельские работники, поэтому папа Пелагий предписывает епископу Иоанну не отдавать таких людей, которые могли бы иметь дом (casa) и обрабатывать поле, и предупреждает от обмена их на бесполезных для церкви лиц. С особой строгостью он предписывает заботиться о рустиках, которые, как он поясняет, могут быть кондукторами или колонами и, под страхом личной ответственности, запрещает епископу передавать их кому-либо (RPR, № 656). Прежде всего следует отметить, что в этом письме автор отличает рустика от раба и от колона (rusticum vel colonum) и в то же время поясняет, что рустик мог быть как кондуктором (свободным арендатором), так и колоном (зависимым человеком). Это бесспорно является важным указанием на то, что рустики имели некоторые преимущества по сравнению с другими категориями зависимых людей. Раскрывается и хозяйственное положение рустиков: это лица, имеющие свой дом (casa) и обрабатывающие поле. Таким образом, под рустиками подразумевается сельское население (homines) церковных земель, включающее, повидимому, как лично свободных, так и зависимых людей. При этом, как мы видели, особые заботы церкви направлены на сохранение на ее землях рустиков. Обширные и весьма ценные данные о положении рустиков, живших на церковных землях Италии в конце VI века, содержатся в переписке папы Григория I.

Прежде всего важно отметить, что в этой переписке рустики называются «людьми церкви» (homines ecclesiae) (Greg. I REpp., I, 42; IX, 205—206), и подчеркивается их зависимое положение (I, 42). В отличие от свободных арендаторов, рустики, обрабатывавшие земли церкви, находились от нее в поземельной зависимости и уплачивали ренту в пользу церкви как натурой (главным образом зерном), так и деньгами (там же). Размер платежей рустиков в большинстве случаев произвольно устанавливался самим высшим духовенством, однако, повидимому, с учетом освященных обычаем норм (там же), а также урожая данного года (там же). О размере денежной ренты, уплачиваемой рустиками Сицилийской церкви, можно, например, судить по предписанию Григория I (от 591 г.) взыскивать с рустиков (rustici) этой епархии по 70 либр золота в год (там же).

Помимо натуральных и денежных платежей в пользу церкви, рустики

уплачивали налоги государству¹, а также принуждались к выполнению различных ангарий и других повинностей (Greg. I REpp., IX, 203 и 205—206).

Папская власть в лице Григория I энергично протестовала против обременения рустика различными неустановленными законом и обычаем платежами и повинностями в пользу государства и частных лиц (Greg. I REpp., IX, 203—206), однако она делала это, разумеется, отнюдь не для защиты самих рустика, а исключительно в целях сохранения рабочих рук и доходов для церкви. Так, Григорий I, обращаясь в одном из своих посланий к трибуну Гидрунтину с требованием прекращения незаконных поборов с рустика этой местности, пишет: «... Ведь вы знаете, что место это является собственностью нашей церкви и те немногие рустики, которые там еще остались, в случае если они будут притесняться какими-нибудь неустановленными ангариями или повинностями, покинут это место, чего мы не желаем, и врагом будет дана возможность его грабить» (IX, 205). Однако он отнюдь не советует своим подчиненным снижать платежи рустика в пользу самой церкви, а, наоборот, требует их самого тщательного взыскания (IX, 206). Так, например, сетуя на то, что зависимые люди Каллиполитанской крепости, являющейся также собственностью церкви, угнетаются непомерными повинностями в пользу различных лиц, истощаются на далеких перевозках (ангариях) и обременяются высокими платежами, Григорий I предписывает епископу этой крепости энергично отстаивать привилегии церкви и не допускать подобных злоупотреблений (IX, 206). В то же время он требует с него тщательного выяснения платежеспособности зависимого населения той же Каллиполитанской округи, с целью взимания налогов в пользу самой церкви (там же). С этой же целью он запрещает передавать управление церковными землями светским лицам (IX, 204) и особо подчеркивает, что трудом церковных рустика и клириков может располагать лишь тот епископ, под властью которого они живут (IX, 203).

Личная зависимость рустика, живших на церковных землях, характеризовалась тем, что они (наряду с клириками) подлежали церковной юрисдикции, и все дела рустика разбирались в епископальном суде (Greg. I REpp., I, 42). Кроме того, рустики были обязаны в случае нужды брать ссуды исключительно у самой церкви, а не у ростовщиков (там же). При вступлении в брак рустика должны были уплачивать в пользу церкви особый денежный сбор в размере 1 солида, причем взимание этих поборов было связано с различными злоупотреблениями со стороны духовенства (там же). Лишь в случае крайней бедности рустика сумма этого побора понижалась (там же). Католическая церковь строго следила за благонадежностью и правоверием зависимых от нее людей и сурово преследовала всякое отклонение от догматов «истинной» веры, настаивая на переходе рустика — ариан и язычников — в католичество под страхом тяжелых наказаний (Greg. I REpp., I, 42; IX, 204).

Таким образом, переписка папы Григория I со всей очевидностью показывает зависимое от церкви и бесправное положение рустика, причем, повидимому, эта зависимость с течением времени даже несколько возросла. Так, католическая церковь сурово пресекала уход рустика с церковных земель во владения частных лиц (Greg. I REpp., IX, 203—204). Григорий I, узнав, например, что рустики Каралитанской церкви покинули свои участки на церковных землях и переселились во владения частных лиц, строго предписал дефензору Сардинии пресечь уход рустика на частно-

¹ Greg. I REpp, IX, 203: в письме говорится, что рустики бегут с земель церкви и не платят своих налогов (tributa sua).

владельческие земли, так как это наносит большой ущерб интересам церкви и ее поля остаются невозделанными (Greg. I RErr., IX, 203). Тем самым церковь стремилась низвести рустикав до положения других, более низших категорий зависимых людей и уничтожить важное различие между рустиками и колонами, состоявшее в том, что рустики более свободно могли уходить с земель своих господ, в то время как колоны, в частности колоны-оригинарии, были прикреплены к своему земельному участку и переводились в другие поместья только по желанию господина (Ed. Th., § 142).

Причиной бегства рустикав и клириков, как это ясно видно из писем Григория I, были притеснения и грабежи со стороны самого духовенства (IX, 203), светских лиц, управляющих церковными имениями (IX, 204) и государственных чиновников (IX, 205—206). Григорий I прямо говорит, что рустики и клирики Карлтанской церкви покидают ее владения и переселяются на земли частных лиц вследствие притеснений со стороны их епископа, причем они ищут защиты от его насилий и беззаконий у дефензора Сардинии (IX, 203). Естественно, что папа в своем послании к дефензору Сардинии предписывает ему поддержать авторитет епископа, возвратит беглых на старые места, предоставив епископу возможность их наказания, а при разборе даже справедливых жалоб рустикав и клириков выступать не их защитником, а лишь посредником между ними и епископом (там же). Бедственное положение зависимых людей церкви, и, в частности, рустикав рисуется в письмах Григория I весьма ярко. Так, он пишет, что каждый по своему желанию обременяет выполнением различных работ людей церкви, в том числе и женщин (IX, 203). В ответ на многочисленные жалобы зависимых людей церкви папа упрекает подчиненных ему епископов в том, что они недостаточно твердо поддерживают дисциплину среди подвластного им населения, которое все более и более проявляет непокорность, и советует впредь самим улаживать конфликты со своими подданными: «Будьте осторожны, — пишет он, — чтобы в будущем никакие известия о притеснениях ваших подданных не дошли до нас» (IX, 204). Далее Григорий I приводит ряд примеров беззаконий, совершаемых во владениях церкви, в частности, он рассказывает о том, что до него дошли сведения, как в церковных патримониях, сданных в управление светским людям, рустики были ограблены и бежали, покинув свои насиженные места (там же).

Таким образом, данные источников VI века, в том числе известия, исходящие даже от самого высшего католического духовенства, красноречиво свидетельствуют о том, что положение рустикав (и клириков), живших на церковных землях в конце VI в., было не только не лучше, чем положение зависимых людей, живших в имениях светских землевладельцев, но, повидимому, иногда даже и хуже, чем только и можно объяснить их уход на частновладельческие земли. Эти факты лишней раз указывают на ошибочность теории, созданной в буржуазной науке о якобы «привилегированном положении» трудового населения, жившего на землях церкви в эпоху раннего средневековья. Вместе с тем, анализируя положение рустикав в конце VI в. и сравнивая его с положением других категорий зависимого сельского населения Италии, мы все же должны констатировать, что и в это время рустики еще сохранили некоторые преимущества по сравнению с колонами и особенно по сравнению с оригинариями. Так, например, нам кажется вполне вероятным предположение, что церковь, а также и светские землевладельцы располагали несколько меньшими средствами административного воздействия для удержания на своих землях рустикав, чем других категорий зависимого населения. Правда, как видно из писем Григория I, высшее духовенство могло насильственным образом возвращать ушедших с их земель рустикав и клириков и даже подвер-

гать их за самовольный уход наказаниям. Это доказывает, что рустики уже не обладали правом свободного перехода и не могли безнаказанно покинуть земли церкви. Но в то же время массовый характер ухода рустиков с земель церкви, приводящий иногда к тому, что отдельные местности обрекались на запустение, а в других оставались лишь «немногие рустики» (Greg. I. RErr., IX, 203 и 205), может быть объяснен лишь сохранением рустиками известной свободы передвижения и некоторой самостоятельности по сравнению с колонами и оригинариями, бегство которых из имений их господ каралось самыми суровыми законодательными мерами, столь же жестокими, как и бегство рабов (Ed. Th., § 84).

При этом следует отметить, что духовенство и светские землевладельцы для предотвращения бегства рустиков, повидимому, располагали меньшей поддержкой со стороны государства и закона, чем для пресечения бегства колонов, оригинариев и рабов. Таким образом, довольно существенным отличием в положении рустиков, по сравнению с положением колонов и оригинариев, было сохранение ими в несколько большей степени реальной возможности перехода с земель одних собственников во владения других в поисках лучших условий жизни. Вместе с тем между *rustici* и *coloni* в конце VI в. продолжало еще существовать и другое важное отличие: у рустиков, по сравнению с колонами и оригинариями, была несколько большая заинтересованность в труде, поскольку часть урожая, собранного с их участка земли, остававшаяся после уплаты ими оброка в пользу церкви, сохранялась в их распоряжении, и они могли даже ее продавать (Greg. I RErr., I, 42).

Таким образом, на основании данных источников VI века о положении рустиков мы можем придти к заключению, что по сравнению с колонами и оригинариями рустики обладали существенными преимуществами: они располагали некоторыми средствами производства — рабочим скотом, сельскохозяйственным инвентарем и даже рабами; имели несколько большую заинтересованность в труде, ибо могли распоряжаться по своему усмотрению частью своего урожая и, наконец, в большей степени, чем колоны, сохраняли реальные возможности перехода с земель одних собственников в имения других. Тем самым они ближе, чем колоны и оригинарии, стояли к свободным крестьянам Италии. Вместе с тем рустики уже теряли свои владельческие права на землю, и это обусловило их земельную, а затем и личную зависимость от землевладельцев. Рустики были обязаны платить за пользование землей землевладельцу натуральный и денежный оброк, выполнять различные повинности как в пользу землевладельцев, так и в пользу государства. Господин мог по закону требовать возмещение за убитого рустика как зависимого от него человека. Владельцы земли, как светские, так и духовные, могли добиваться возвращения ушедших с их земель рустиков на их прежние места жительства; они обладали правом распоряжаться трудом подвластных им рустиков. Все это показывает, что рустики Италии не смогли полностью сохранить свою свободу и мало-помалу превращались в зависимых людей. При этом можно предположить, что внутри этой социальной категории не было полного единообразия и положение отдельных лиц было различным: некоторым рустикам в большей степени удалось сохранить свою свободу, хозяйственную самостоятельность и даже частично владельческие права, положение же других приближалось к положению колонов. Вместе с тем, источники VI в. дают возможность наметить перспективу дальнейшего изменения положения рустиков в сторону их окончательного закрепощения, к чему настойчиво стремились землевладельцы, особенно католическая церковь, и чему упорно сопротивлялись сами рустики.

Рассмотрение положения сельского трудового населения Италии

VI века приводит нас к следующим выводам. На положение трудового населения Италии яркий отпечаток наложила борьба двух тенденций экономического и социального развития — отживающей рабовладельческой и развивающейся феодальной. Борьба этих двух тенденций проявляется прежде всего в том, что наряду с рабством, не потерявшим еще своего экономического значения в сельском хозяйстве Италии, все большее распространение получает труд колонов, рустиков и свободных землевладельцев¹, причем удельный вес труда этих категорий населения все возрастает, хотя рабство еще медленно уступает свои позиции. Борьба рабовладельческой и феодальной форм эксплуатации сказывается и в том, что в положении отдельных категорий трудового населения Италии сочетаются некоторые черты, восходящие еще к социально-экономическим отношениям рабовладельческого общества с качественно новыми формами эксплуатации трудящихся, уже знаменующими собой переход к феодальному строю. Так, в положении оригинариев и колонов, как мы видели, наличествуют еще некоторые пережитки рабовладельческих отношений, сближающих их с рабами, наряду с существенными отличиями, во многом дающими право считать их предшественниками средневековых крепостных. В положении же рустиков переплетаются черты сходства со свободным крестьянством с растущей зависимостью от крупных землевладельцев. При некотором общем увеличении удельного веса свободного крестьянства в связи с поселением остготов и других племен на территории Италии, среди свободных земледельцев уже начинается процесс имущественной и социальной дифференциации, связанной с обеднением части крестьян и потерей ими их земельных участков, а затем и свободы. Значительная пестрота и текучесть различных категорий трудового населения, изменчивость их положения являются характерной чертой этого переходного периода в истории Италии. Остготское правительство в угоду остготской и римской знати иногда пытается восстановить и поддержать старые формы эксплуатации трудящихся, в частности укрепить рабство и усилить полурабскую зависимость других категорий сельского населения Италии от крупных землевладельцев. Однако, несмотря на это, новые феодальные отношения неуклонно продолжают развиваться, расти и крепнуть, что, в частности, проявляется в дальнейшей нивелировке положения различных категорий зависимого населения. Недаром к концу VI в. весьма распространенной категорией сельского населения Италии становятся рустики, сохраняющие ряд преимуществ по сравнению с оригинариями и колонами и сочетающие черты свободы и зависимости. К концу VI в. под этим общим собирательным названием в источниках все чаще и чаще скрываются различные категории сельского населения, положение которых сближается.

Все это указывает на то, что в Италии в это время происходил сложный и длительный процесс формирования основного производительного класса феодального общества — феодально-зависимого крестьянства, одновременно с возникновением и развитием господствующего класса этого общества — феодальных землевладельцев. Народные массы Италии оказывали стойкое и мужественное сопротивление всем попыткам со стороны остготской и римской знати возродить рабство, приравнять колонов к рабам, ухудшить положение трудового населения и свести на нет те важные завоевания, которые были добыты народом в борьбе против рабовладельческой империи.

¹ Вопросу о положении свободных землевладельцев в Италии VI века посвящена другая работа автора данной статьи.